

К. В. Чугунов

Аржан-2: реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы его хронологии

Резюме. Статья посвящена реконструкции этапов строительства и функционирования погребально-поминального комплекса Аржан-2, исследованного в Туве российско-германской экспедицией в 2000–2004 гг. На основании зафиксированных в процессе исследований элементов архитектуры наземного сооружения, погребальных конструкций, стратиграфических и планиграфических наблюдений, дендрохронологических данных выяснено, что комплекс дискретен и имеет внутреннюю хронологию. Для определения времени сооружения отдельных комплексов сделана классификация наконечников стрел Аржана-2, проведен их анализ и сопоставление со стрелковыми наборами как из памятников Тувы, так и отдаленных территорий. В результате анализа этой категории находок выявлены некоторые тенденции эволюции наконечников, что позволило вычленил из всей серии позднейший комплекс. Для проверки сделанных выводов рассмотрена серия ножей, представленная в инвентаре почти каждого захоронения. Определена группа изделий этой категории находок, относящаяся к раннему пласту формирования комплекса. Выявление тенденций развития и трансформации форм различных категорий предметов очень перспективно, так как в дальнейшем может привести к построению дробной относительной хронологии алды-бельской культуры Тувы раннескифского времени. В связи с решаемой задачей в статье рассмотрены некоторые вопросы

Chugunov K. V. Funeral and memorial complex of Arzhan-2: its building history and chronology. The paper is devoted to the burial and memorial complex of Arzhan-2, excavated by Russian and German archaeologists in Tuva (South Siberia, Russian Federation) in 2000–2004. The remains of above-ground constructions and graves, as well as stratigraphy, planigraphy and dendrochronological data are analyzed to reconstruct the main stages of the life history of the site. In addition, the author provides a detailed classification of Arzhan-2 arrow-heads, which are considered in a wide Eurasian context. This classification helps to reveal some trends in the arrowhead evolution and can thus be used for chronological purposes. The results of this study find support in the chronology of knives, which also were found in every grave of Arzhan-2. Further research of the development and transformation of different types of artifacts is very important and can help to clarify the chronology of Aldy-bel' culture of the Early Scythian time in Tuva. In connection with this some aspects of absolute chronology of various Central Asian cultures and sites are discussed in the article, too. The materials of Arzhan-2 have numerous parallels and analogies in both adjacent and distant regions. Their analysis leaves no doubt that the problem of synchronization of materials from South Siberia and other parts of Central Asia is still of current importance

абсолютной хронологии ряда культур и отдельных памятников. Параллели и аналогии материалам элитного тувинского кургана, приведенные из памятников соседних и отдаленных регионов, показывают, что проблема синхронизации древностей Южной Сибири, Центральной и Средней Азии, других территорий по-прежнему актуальна.

Ключевые слова: железный век, Тува, Аржан-2, погребальный комплекс, стадии сооружения, хронология, наконечники стрел.

for archeologists and needs further consideration.

Key words: Iron Age, Tuva, Arzhan-2, burial ground, phases of construction, chronology, arrowheads.

Погребально-поминальный комплекс Аржан-2, исследованный в 2000–2004 гг. российско-германской экспедицией на севере Республики Тыва, широко известен среди специалистов благодаря громкому резонансу в прессе после открытия в 2001 г. богатейшего захоронения раннескифского времени и последовавшей за этим серии предварительных научных публикаций. Только на момент окончания работ на памятнике в 2004 г. библиографический список уже составил более двадцати наименований (Чугунов 2005а: 63–65). Сейчас, спустя 10 лет со времени начала раскопок, в Германском археологическом институте вышла монография с полной публикацией комплекса на немецком языке (Сигунов et al. 2010). Книга издана очень качественно в полиграфическом отношении и состоит из публикационной части, анализа комплекса в контексте хронологии и периодизации археологических памятников Тувы и ряда статей, написанных специалистами по различным аспектам исследований разнообразных материалов Аржана-2. Монография сопровождается богатым иллюстративным материалом; отдельными приложениями-вкладками даны чертежи профилей кургана и большие планы.

Однако, к сожалению, немецкие коллеги и мои соавторы по работе над книгой при окончательной подготовке издания сосредоточились на вещевом материале памятника, сильно сократив переданный им для перевода текст. В статье же, заключающей монографию и написанной Г. Парцингером (Paczinger 2010), изложена версия реконструкции погребального обряда, которая, на мой взгляд, не может быть принята. Поскольку раздел, посвященный описанию и анализу структуры наземного сооружения кургана, был сокращен, а основанная на этом анализе версия реконструкции этапов функционирования погребально-поминального комплекса не вошла в книгу, решено было изложить эти материалы в отдельной статье. Прослеженная дискретность погребального обряда очень важна для понимания внутренней хронологии Аржана-2 и позволяет уточнить относительную последовательность отдельных закрытых комплексов, исследованных на памятнике.

Дискретность постройки кургана имеет большое значение, поскольку уникальные материалы заставляют рассматривать Аржан-2 как исключительно важный памятник для эпохи ранних кочевников не только Тувы, но и всей степной Евразии. В результате пяти лет исследований выяснилось, что, несмотря на попытки ограбления кургана в древности и позднейшие разрушения, почти все захоронения, непосредственно связанные с комплексом, остались

непотревоженными. Это во многом обусловлено уникальной планиграфией Аржана-2 (рис. 1–3). Всего в пределах элитного погребально-поминального сооружения исследовано двенадцать могил для 18 погребенных, захоронение 14 лошадей и украшений конской сбруи. В конструкции найдено несколько оленных камней, плиты с петроглифами, четыре «клада»-приношения, содержащих предметы конского снаряжения и вооружения. Изучены связанные с курганом ритуальные сооружения на периферии и так называемый северный комплекс — яма, расположенная к северу, с отдельными костями от 12 человек и лошадей. Из этих взаимосвязанных единым пространством, закрытых комплексов получена коллекция, насчитывающая сотни предметов, не считая тысяч экземпляров бусин и бисера. Все эти материалы представлены в монографии, поэтому в этой статье я буду обращаться лишь к тем из них, которые важны для предлагаемой реконструкции.

Стратиграфия наземного сооружения кургана зафиксирована на полную высоту в двух профилях, проходящих через весь курган, в девяти радиальных и в девяти вспомогательных и фронтальных профилях. Всего за пять лет раскопок было зачерчено около полукилометра профилей¹! К сожалению, фронтальные и вспомогательные профили почти не включены в монографию, хотя эта документация позволяет получить максимально полное представление об архитектуре памятника и реконструировать его первоначальный облик на разных этапах функционирования погребально-поминального комплекса.

На первый взгляд структура кургана достаточно однообразна и состоит из плит мелкозернистого девонского песчаника красновато-коричневого цвета и глиняных прослоек, залегающих в верхней и местами нижней части наземного сооружения (рис. 4). Сырьевые источники, которые были использованы древними строителями, определены. Плиты выламывали и доставляли из каменоломни, расположенной в 2 км к СВ от кургана на склоне невысокого хребта Кара-Орга. В результате детального обследования соседних гор только в этом месте выявлены поверхностные выходы такого песчаника. Здесь на скальной поверхности до сих пор видны древние следы выламывания плит. Не исключено, что до использования этого места для добычи строительного материала здесь возвышался скальный останец, с которого началась разработка каменоломни и который был полностью разобран при постройке кургана. На это указывают камни с поверхностью, покрытой пустынным загаром, в основании сооружения. Весьма вероятно, что на этой скале в предшествующее строительство время выбивались петроглифы. Об этом свидетельствуют некоторые рисунки эпохи бронзы, найденные при разборке наземного сооружения (Чугунов и др. 2006: 303–311).

Глина, использованная при постройке кургана, залегает непосредственно под памятником. Ее добывали тут же в степи. Обширные понижения поверхности — древние карьеры — визуально фиксируются к северу и северо-западу от комплекса, сразу за кольцевыми оградами (рис. 1). Шурфы, заложенные на северо-западном карьере, показали, что при добыче глины древние строители

¹ Основную работу по графической фиксации на Аржане-2 выполнил художник-архитектор В. Г. Ефимов, которого по праву можно считать еще одним соавтором исследований памятника.

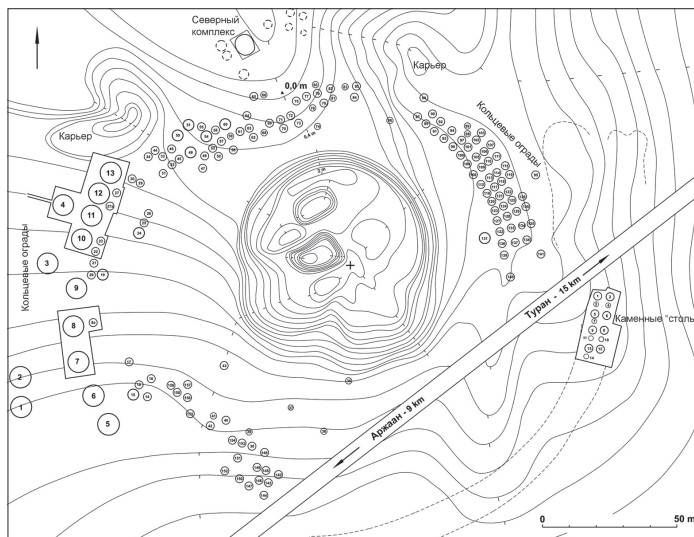

Рис. 1. План погребально-поминального комплекса Аржан-2 с обозначением раскопов на периферии.

Fig. 1. Plan Arzhan 2 burial and commemorative complex with peripheral zones of excavation.

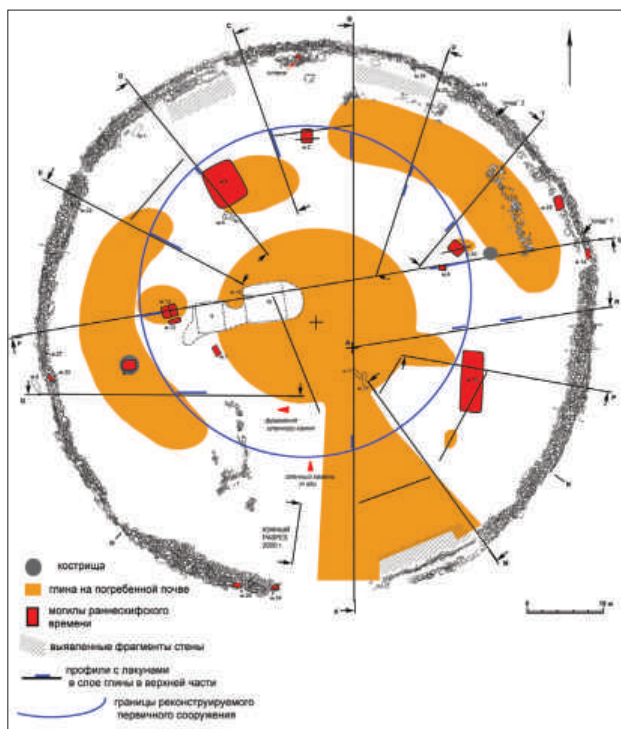

Рис. 2. План кургана Аржан-2.

Fig. 2. Plan of Arzhan 2 kurgan.

Рис. 3. Общий вид кургана с запада после раскопок 2002 г. Длина рейки, уложенной по оси север–юг — 10 м. Ямы закопаны и заложены плитами по площади. В центре кургана установлен фрагмент оленного камня, найденный среди камней, выброшенных из центра насыпи, южнее его — олений камень *in situ*.

Fig. 3. View on the kurgan from west after excavations in 2002. The scale bar (10 m) is put meridionally. The pits are filled up and covered with stones. In the center of kurgan — a piece of deer stone found among the stones extracted from the centre of burial mound. To the south of it — another deer stone *in situ*.

Рис. 4. Профиль FS. Вид с востока.

Fig. 4. FS profile. View from the east.

тщательно выбирали из нее мелкие камни, подобно тому, как современные каменщики просеивают песок для цементного раствора. Оставшиеся на дне щебень и галька образовали равномерный слой в яме. Показательно, что такие карьеры визуально фиксируются и около двух других «царских» курганов, расположенных западнее Аржана-2, причем величина их прямо пропорциональна размерам сооружения. Следовательно, широкое использование глины — характерная особенность курганов этого типа. Возможно, наличие подобных карьеров около Аржана-1 не зафиксировано потому, что территория вокруг него застроена. При его раскопках слои глины вроде бы не прослежены, но вся верхняя часть сооружения была уничтожена еще до начала исследований (Грязнов 1980: 6).

Плиты девонского песчаника — идеальный строительный материал. Для возведения наземного сооружения кургана были использованы в основном камни средних размеров $20 \times 30 \times 7$ и $30 \times 40 \times 10$ см, но часто встречались и более крупные плиты. Даже при простой наброске они образуют достаточно прочное соединение, напоминающее регулярную кладку. Это хорошо демонстрирует грабительский отвал, зафиксированный в профиле AG: камни, выброшенные из центральной части кургана на его поверхность, легли почти так же плотно, как и в не потревоженных участках сооружения (рис. 5). Вычленив конструктивно значимые элементы сознательно сделанной горизонтальной кладки в такой ситуации чрезвычайно сложно. Только при детальном сопоставлении большого количества профилей стало возможно установить ряд закономерностей в структуре сооружения. Так, стена, опоясывающая площадь кургана сразу за оградой, была вычленена и зафиксирована на трех участках только на четвертый год раскопок (рис. 6).

Стенка, на наиболее сохранившихся участках достигавшая высоты 1 м, была сложена горизонтальной кладкой. Она имела основание шириной 2–2,5 м. Фасад, обращенный к ограде и слегка наклоненный внутрь, был выведен с особой тщательностью. С внутренней стороны в некоторых местах стена была укреплена наклонно уложенными массивными плитами. В частности, большая плита, лежавшая в трех метрах от стелы в секторе ABC, безусловно, служила контрфорсом, подпираяющим стену с внутренней стороны (рис. 7). Такое укрепление было здесь необходимо, так как стела, установленная с внешней стороны, была просто прислонена к фасаду, а не врыта в грунт. Обозначение этого контрфорса на плане в монографии как второй стелы (Сугинов et al. 2010: Beilage 1) ошибочно, так как массивная плита залегала на камнях кладки выше уровня погребенной почвы. В разрезе стена имеет вид треугольника, острой вершиной направленного к центру кургана. Такой ее абрис прослеживается почти во всех радиальных профилях. В секторах ACD и AUB были расчищены два участка хорошо сохранившейся стены. В секторе AKM была вычленена полуразвалившаяся стена, кладка которой рухнула внутрь кургана (рис. 8). Это можно было бы объяснить поздними разрушениями в этой части комплекса, но, во-первых, непосредственно над стенкой сооружение не было нарушено, во-вторых, полуразвалившаяся стена просматривается и в ряде профилей. Кроме того, если стена рухнула, это значит, что за ней было пустое пространство.

Ограда кургана прослежена по всей окружности памятника за исключением его южной части, наиболее разрушенной при добыче камня. В ее конструкции

Рис. 5. Профиль AG. Вид с севера.

Fig. 5. AG profile. View from the north.

Рис. 6. Ограда и стена в секторе AUB. На заднем плане — разрезы по слою глины на погребенной почве.

Fig. 6. Fence and wall in AUB sector. On the background — section of a clay layer on the buried surface.

Рис. 7. Стела и плита-контрфорс в секторе ABC.

Fig. 7. Stela and a counterfort stone in ABC sector.

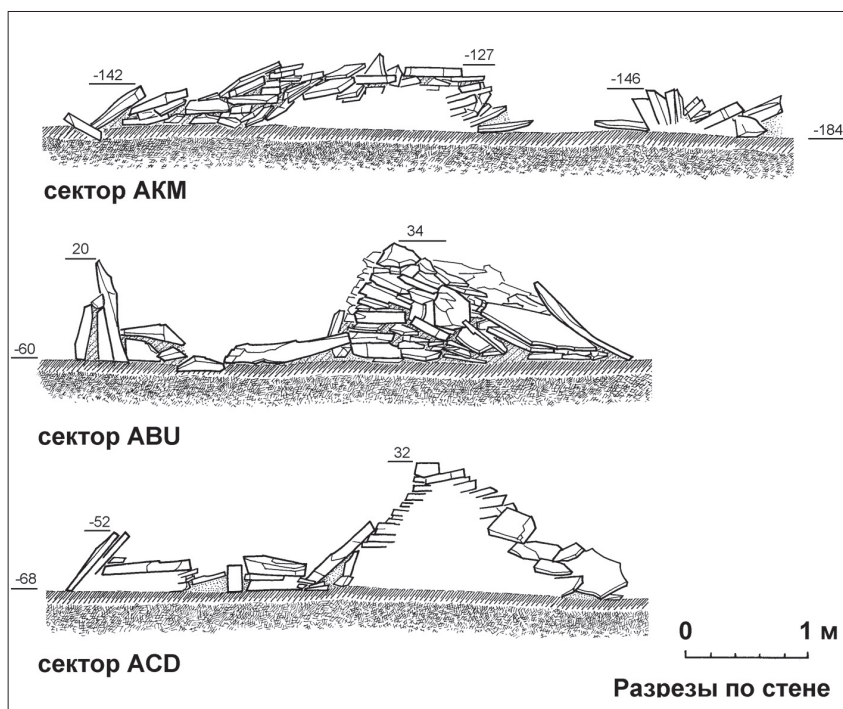

Рис. 8. Разрезы по стене.

Fig. 8. Wall sections.

сочеталась горизонтальная кладка и плиты, установленные на ребро. Часто эти плиты слегка вкапывались, но иногда они были просто прислонены к горизонтально лежащим камням. По этой причине облицовочные плиты не везде сохранились *in situ*, в ряде мест их выдавило сползавшими по склону кургана камнями. По сути, сам кромлех обозначен именно вертикальными плитами облицовки, которые подпирались горизонтально уложенными камнями или массивными каменными блоками. По внешней границе плит ограды диаметр кургана составляет точно 75 метров, и нигде нет отклонения от этих размеров.

Между кромлехом и стеной из горизонтально уложенных плит расстояние составляет около 1 метра (за исключением участка напротив основного захоронения в секторе *ACD*, о котором будет сказано особо). Вероятно, до сооружения окончательной насыпи этот коридор был свободен от камней. На это указывают зафиксированные в профилях *AR* и *AT* обвалы стены в сторону ограды (рис. 9). Соответственно, скорее всего, до постройки здесь наземного сооружения производились погребения в могилы 14, 22, 24, 25 и 26. Каменные ящики этих захоронений были построены как раз в этом коридоре. Не случайно выбросы из могильных ям фиксировались только над погребениями и в непосредственной близости от них, между оградой и стеной. При этом в могиле 25 ниже останков мужчины обнаружены остатки предыдущего погребения и сопроводительного инвентаря, относящегося к нему.

Вероятно, в процессе функционирования погребально-поминального комплекса некоторые участки кромлеха и стены подвергались перестройке. В северо-восточной части кургана (секторы *ARS*, *AST*, *ATU*) облицовка кромлеха была многослойной, что, вероятно, связано с ритуальными «кладами»-приношениями, обнаруженными между плит на этом участке (рис. 10).

В секторе *ACD* напротив основного погребения в кургане — могилы 5, между оградой и стеной была зафиксирована вымостка из плит, на которой расчищено компактное скопление костей — жертвенник. На вымостке зафиксированы останки двух овец, полный скелет ягненка, зубы собаки². Для устройства жертвенного места на каком-то этапе функционирования комплекса на участке стены была произведена ее перестройка. Фасад стены отодвинули, расширив примерно на метр коридор между стеной и оградой кургана. При этом камни, лежавшие в основании стены, остались на первоначальном месте, образовав дублирующий ряд плит, параллельный линии нового фасада (рис. 11).

По-видимому, на определенном этапе был перестроен кромлех в юго-восточной части кургана. Здесь, в секторах *ANP* и *APR* ограда, сооруженная из горизонтально уложенных плит, имела правильное трапециевидное сечение (рис. 12). При этом стена не прослежена. Остатками ее основания, возможно,

² Определение костей животных выполнено канд. биол. наук М. В. Саблиным (Зоологический институт РАН). Среди костей животных здесь найдены три фаланги человеческого пальца, которые упоминает Г. Парцингер в своей реконструкции. Однако анализ по соотношению изотопов стронция в костных останках, проведенный для всех захоронений в кургане, показал, что цифровые значения изотопов в найденных фалангах полностью (до шестой цифры после запятой!) совпадают с данными, полученными для костей из впускной могилы 1 (Лохов и др. 2007: 266, табл. 2). Это ближайшее захоронение к жертвеннику, исследованное в соседнем секторе и, соответственно, вполне вероятно случайное попадание человеческих костей в это скопление.

Рис. 9. Фрагмент стены, рухнувший в сторону ограды.
Fig. 9. Fragment of the wall which fell towards the fence.

Рис. 10. «Клад»-приношение 1 между плит ограды.
Fig. 10. Hoard 1 between the stones of the fence.

Рис. 11. Жертвенник между оградой и стеной напротив основного погребения. На заднем плане — заложённая плитами «царская» могила.

Fig. 11. Altar between the fence and the wall opposite the main burial. On the background — «royal» tomb covered with flagstones.

Рис. 12. Общий вид кургана в процессе раскопок с юго-востока. На переднем плане ограда на участке NP.

Fig. 12. View on the kurgan during the excavations from south-east. On the foreground — a part of the wall in NP zone.

являются плиты внутренней стороны этого участка кромлеха, образующие обратный по отношению к внешней облицовке наклонный ряд. Устройство на этом участке невысокой, тщательно сложенной ограды может быть объяснено несколькими причинами. Одна из них — расположение здесь входа в курган. Вторая — устройство конского захоронения в могиле 16, расположенной напротив. Возможно, для определенного этапа функционирования комплекса обе версии справедливы. Этот участок ограды отмечен еще одной яркой особенностью. Именно здесь, напротив конского захоронения, для плит облицовки были использованы камни с выбитыми изображениями (Чугунов 2008а: 53–69).

Как было отмечено, кроме камней для сооружения кургана широко использовалась глина. В плане и в профилях в определенных местах площади памятника фиксировались очертания прослоек материкового грунта, залежавших на погребенной почве. Самый обширный слой глины располагался в центральной части сооружения. В древности он был выровнен по площади и не превышал в высоту 0,3 м. Кроме того, к северо-востоку и западу от центра в 5–7 м от внешнего контура кургана прослежены линзы глины в основании кладки сооружения (рис. 13). При сопоставлении планиграфических наблюдений со стратиграфией, прослеженной в радиальных профилях, уверенно реконструируются два дугообразных глиняных вала, расположенных симметрично по отношению к основному погребению (могила 5) в СЗ четверти кургана (рис. 2). Эти особенности не отражены на планах кургана в монографии, хотя сам план с этими слоями был опубликован ранее при издании научного отчета 2003 г. (Чугунов 2004: 20, рис. 2). В центральной части слой глины на погребенной почве пробит грабительскими ямами. Г. Парцингер считает, что таковые были устроены в древности для проведения церемонии похорон (Parzinger 2010: 303, 304), однако с этим согласиться нельзя, так как такое утверждение противоречит всем наблюдениям, сделанным при раскопках. В процессе исследований ям стенки очень трудно вычленились, так как заполнение ниже уровня погребенной почвы не отличалось по своей структуре от материка. Они были прокопаны нами до скального основания террасы, но, по-видимому, их реальная глубина была меньше примерно на метр. Залегание грунта и камней над ямами показывает, что они были выкопаны последовательно — сначала яма 10, из которой отвал лег к югу, затем яма 9, при рытье которой была засыпана предыдущая (рис. 14). При этом среди камней выброса из ямы 10 обнаружена нижняя часть оленного камня, вероятно, некогда установленного в центре кургана. После зачистки площади по уровню материка контуры ям были выявлены более точно. В верхней части они смыкаются, восточная стенка ямы 10 округлой в плане формы, а яма 9 имеет наклонный ход с юго-запада (рис. 2). Он прошел рядом с могилой 13, но не задел ее. В то же время одно погребение грабители все же разрушили, так как в заполнении ямы 10 найдены разрозненные кости (могила 15) и несколько янтарных бусин. Останки залежали выше уровня материка и могли быть выброшены из разрушенного каменного ящика или ямы. Но не вызывает сомнения, что ямы 9 и 10 возникли в результате грабительских перекопов в поисках центральной могилы.

Прослойка глины на погребенной почве зафиксирована по всей длине профиля АК и, что очень важно, не прослежена в южном разрезе 2000 г. Получается, что глина лежала полосой от южной части ограды к центру кургана.

Рис. 13. Разрез глиняного вала в восточной части кургана.

Fig. 13. Clay bank section in the eastern part of the kurgan.

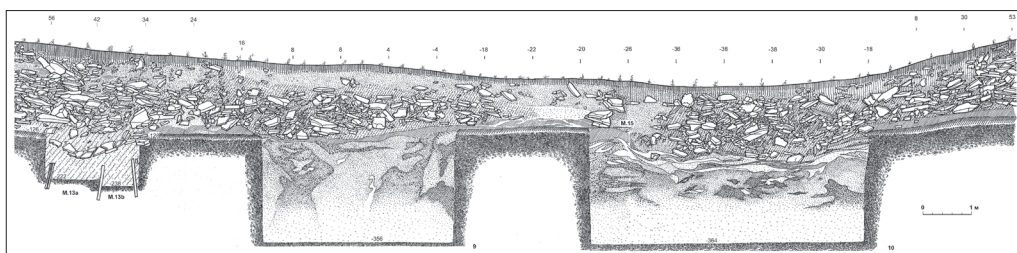

Рис. 14. Центральная часть профиля FS с ямами 9 и 10.

Fig. 14. Central part of FS section with pits 9 and 10.

Возможно, эта радиальная полоса глины маркирует первоначальный вход в погребальный комплекс кургана.

Очень большое значение для реконструкции этапов строительства кургана имеет прослойка глины в верхней части сооружения. Она зафиксирована во всех профилях и покрывает почти всю площадь ровным слоем мощностью около 40 см, за исключением склонов в районе ограды и стены. Там, где наземное сооружение избежало позднейших разрушений, прослежено, что глина залегает на каменной кладке непосредственно над захоронениями на площади памятника (могилы 13 и 20). Однако на некоторых участках этого слоя нет. В профиле *AB* он отсутствует на протяжении 5 м в 13 м от ограды; в профиле *AC* — на участке 5 м в 12 м от ограды; в профиле *AD* — на протяжении 1 м (далее — позднейшие нарушения верхней части сооружения) в 12 м от ограды; в профиле *AE* — на протяжении свыше 8 м (ближе к центру это может быть связано с грабительской воронкой) в 13 м от ограды. В сплошном профиле *FS* глиняного слоя нет на участке 2 м в 15 м от ограды в его западной части и на участке около 3 м в 16 м от ограды — в восточной. На протяжении 5 м слой глины отсутствует в верхней части профиля *AG* в 15 м от кромлеха. Не столь отчетливо, но ту же картину можно проследить и в профилях северо-восточной части кургана. В юго-восточных секторах тоже есть небольшие разрывы в слое глины. Линия, соединяющая на плане внешние точки этих лакун в глиняном слое, образует на площади кургана почти ровный круг диаметром около 45 м. Это не может быть случайным совпадением. Вероятно, таким образом вычленяется первоначальное наземное сооружение памятника (рис. 2). Дополнительным подтверждением этому служат глиняные валы на погребенной почве, которые опоясывают площадь этого первичного сооружения с северо-востока и запада. Первоначальная насыпь полностью перекрыла слой глины в центре. Это сооружение также было покрыто глиной в верхней части кладки. При этом, вероятно, по окружности глина была ограничена полосой «сухой» кладки. Именно эти участки и прослеживаются в профилях. Они сохранились при досыпке сооружения в пределах обводной стены на завершающей стадии функционирования комплекса. Видимо, не случайно все захоронения на площади кургана располагаются под краями этого первичного сооружения. Исключение составляет детская могила 11, над которой прослежены остатки мощного кострища. Огонь мог гореть здесь длительное время, будучи разожжен между стеной и насыпью. Почти напротив этого костра, с противоположной стороны от границы первичной насыпи тоже зафиксированы следы кострища. Пятно прокаленного грунта с включениями углей прослежено в плане и в профиле *FS* в двух метрах к юго-востоку от могилы 20 (рис. 2).

В пределах реконструируемого первичного наземного сооружения исследовано несколько захоронений, устройство конструкций которых позволило зафиксировать последовательность их формирования. Эти наблюдения свидетельствуют о некоторой протяженности начального периода функционирования комплекса во времени. Рассмотрим их.

Могила 13 (рис. 15, 16) представляет собой каменный ящик, разделенный на два отсека (могилы 13а и 13б), помещенный в прямоугольную яму и перекрытый плитами на глубине 0,6 м от погребенной почвы. Пространство между стенками ямы и плитами погребальной камеры было забутовано камнями.

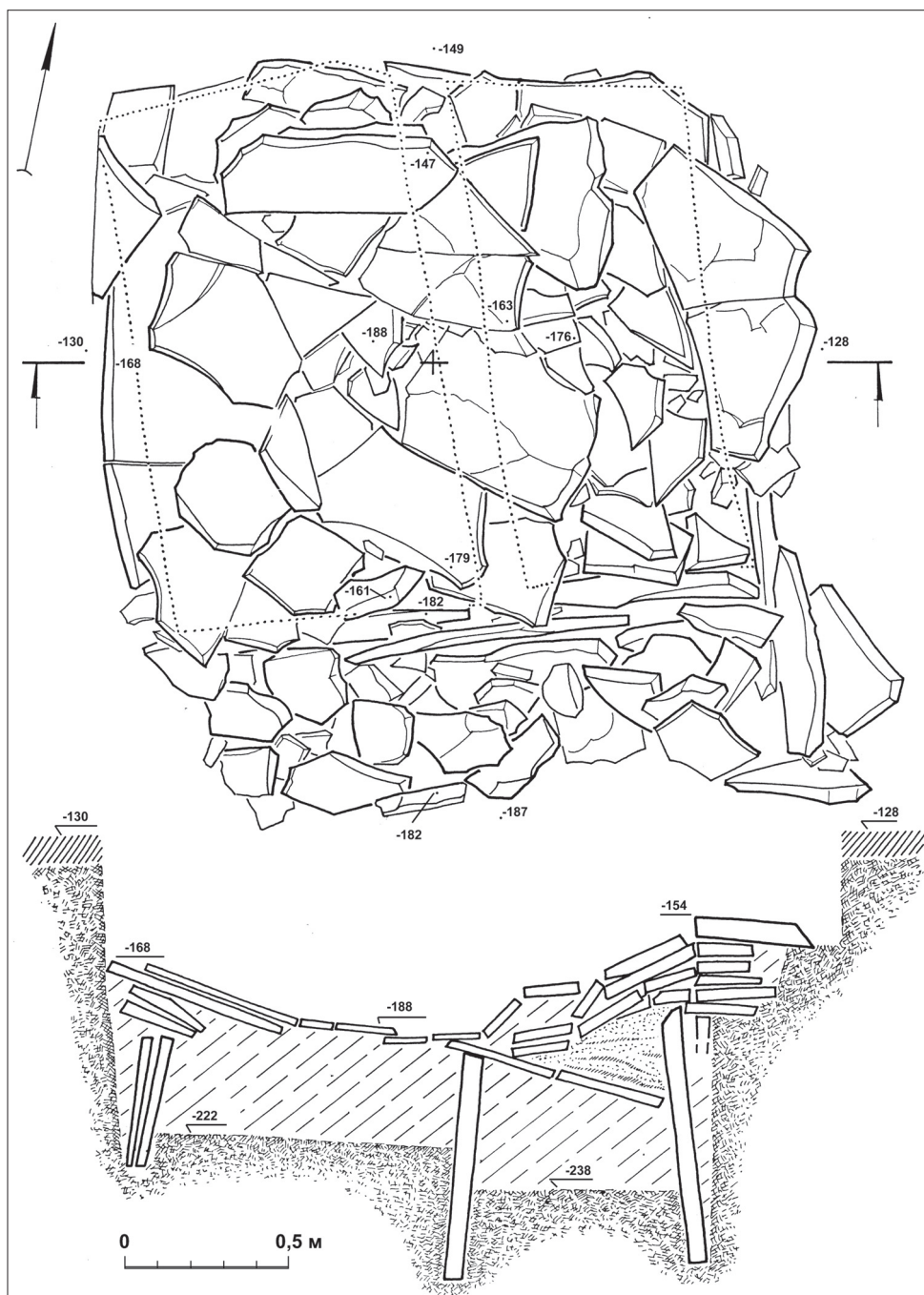

Рис. 15. Могила 13. План перекрытия и разрез.

Fig. 15. Tomb 13. Cover plan and section.

Несмотря на то что грабительская яма прошла совсем рядом, структура наземного сооружения над погребением не потревожена, и прослойка глины в верхней части кургана фиксирует устройство могилы до создания кладки. При этом деление могилы на две части, различная глубина погребений в отсеках, а также характер залегания плит перекрытия над ними позволяет предполагать разновременность захоронений. Первоначально был сооружен каменный ящик 13б. Некоторое время спустя (до сооружения кладки кургана) яма была расширена, и к существующей конструкции с юго-запада пристроены три стенки из вертикальных плит, образовавшие каменный ящик 13а. При этом часть выкопанного при расширении ямы грунта легла на перекрытие могилы 13б. Затем оба отсека вновь были перекрыты плитами. Различная глубина установки плит каменных ящиков 13а и 13б также указывает на такую последовательность совершения захоронений. Могила 12 обнаружена на уровне погребенной почвы рядом с ЮВ стенкой каменного ящика могилы 13. Захоронение представляло собой компактно сложенные, вероятно, в какую-то не сохранившуюся емкость, отдельные кости скелета человека с набором погребального инвентаря. Кости были уложены по оси ЮЗ–СВ на камни забутовки пространства между плитой ящика и стенкой ямы. С ЮЗ и СВ от костей зафиксированы вертикально установленные плиты. Грабительский ход (яма 9) прошел чуть южнее могилы, что обусловило нарушение кладки непосредственно над погребением. По этой причине безусловное определение этого захоронения как совершенного до возведения кладки невозможно. Тем не менее, учитывая, что отдельные части разложившегося тела были захоронены точно на забутовке могильной ямы уже существовавшего к тому моменту каменного ящика, последовательность этой группы могил очевидна: 13б — 13а — 12.

Могила 20 зафиксирована на площади кургана при разборке кладки сооружения в секторе А5Т (рис. 17). Верхний ярус заполнения ямы состоял из материковой глины, под которой зачищено просевшее в средней части перекрытие каменного ящика. Размещение костей двух человек, погребенных в могиле, а также характер залегания плит перекрытия и особенности конструкции стенок погребальной камеры позволяют сделать некоторые заключения о последовательности захоронений (рис. 18, 19). Первоначально могильная яма и погребальная камера в виде каменного ящика были сооружены для скелета 1. Спустя некоторое время яма была расширена в северо-восточном направлении, продольная стенка погребальной камеры разобрана и вкопана вновь у борта расширенной ямы, а северо-западная и юго-восточная стенки надстроены дополнительными плитами. При проведении этих действий перекрытие первоначального погребения просело на скелет 1. В расширенное пространство могилы был захоронен скелет 2. К моменту погребения это был уже разложившийся труп, костям которого было придано положение, близкое к естественному. После захоронения кости были прикрыты плитами. Сверху могилы восстановлено перекрытие, которое опиралось с одной стороны на просевшие плиты первоначального, с другой — на восстановленную стенку и надстроенные плиты каменного ящика. Наличие прослойки глины над могилой позволяет утверждать, что все эти действия были совершены до сооружения кладки кургана.

Важно отметить наблюдения, сделанные при исследовании основного захоронения — могилы 5. При демонтаже срубов и раскопках пространства между

Рис. 16. Могила 13. Общий вид погребения.

Fig. 16. Tomb 13. General view of the grave.

Рис. 17. Яма могилы 20 под профилем.

Fig. 17. Tomb 20 under profile.

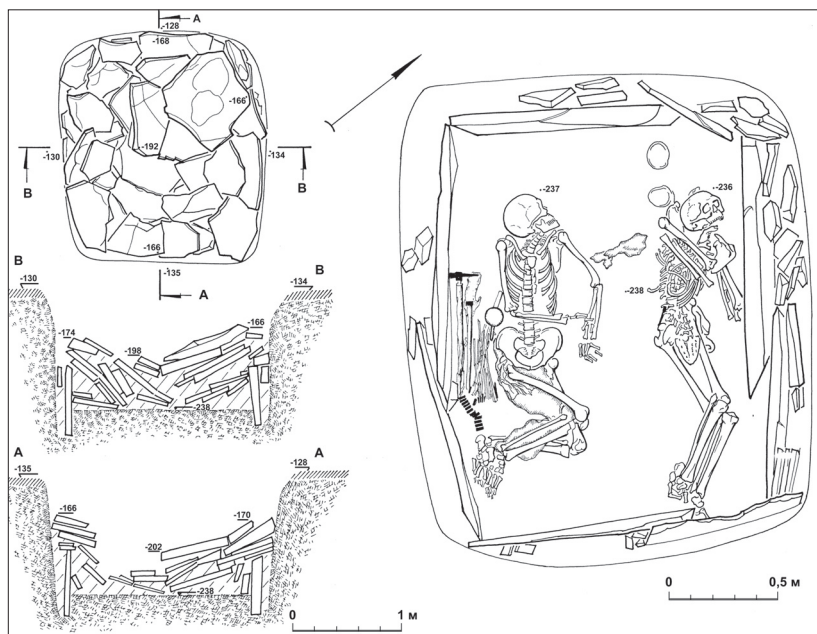

Рис. 18. Могила 20. Планы и разрезы.

Fig. 18. Tomb 20. Plans and sections.

Рис. 19. Могила 20. Общий вид погребения.

Fig. 19. Tomb 20. General view of the grave.

стенками погребальной камеры и ямы на дне около восточного угла под горизонтальными плитами зафиксирована сильно раздавленная колода с остатками погребения младенца, ориентированная параллельно бревнам сруба по оси СВ–ЮЗ (рис. 20, 21). Многие кости отсутствуют. Сохранились лишь разрозненные позвонки, часть тазовых и фаланги, лежавшие ближе к СВ части колоды. Среди костей найдены две большие янтарные бусины, аналогичные обнаруженным в западном углу погребальной камеры. Представляется, что здесь мы имеем дело с жертвенным захоронением, совершенным при устройстве погребальной камеры еще до церемонии похорон. Основанием для такого утверждения является сохранность колоды и погребения в ней. Если бы младенца похоронили вместе с «царской» четой, то древесина колоды сохранилась бы великолепно, как и остальное дерево в могиле. Скорее всего колоду с ребенком поместили за стенку сруба, засыпали грунтом и заложили плитами в момент монтажа стен погребальной камеры. После этого могила стояла открытой некоторое время в ожидании похорон. Погребальная церемония предусматривала хождение людей между стенками ямы и сруба (хотя бы для установки двух котлов за СВ стенкой сруба и укладки бревен перекрытия), что и привело к разрушению колоды. В это же время могила была доступна для грызунов, которые и растащили останки младенца. После похорон, когда глубокая яма была засыпана глиной, грызуны уже не проникали внутрь. Эти наблюдения фиксируют некоторую протяженность во времени подготовительного этапа — постройки погребального сооружения.

Важные заключения сделаны при дендрохронологическом изучении образцов дерева, полученных из трех комплексов кургана — могил 2, 5 и 11. К сожалению, они также были опубликованы в монографии в сокращенном виде — дан анализ только самой представительной серии из основного погребения (Neußner, Slijsarenko 2010: 178–182). Всеобъемлющее исследование сделано в Сибирском отделении Академии наук и опубликовано коллегами (Мыглан и др. 2006). В результате было установлено, что заготовка древесины для погребальных сооружений могил 5 и 2 происходила в один и тот же год в пределах осенне-зимнего периода. Древесина колоды из могилы 11 не сохранила внешних колец, но дендрошкала, полученная при изучении этого образца, пересекается с мастершкалой из могилы 5 на протяжении 30 лет. Это, по мнению специалистов, говорит о близком времени рубки дерева, но не доказывает синхронность этого действия по отношению к заготовке древесины для двух других конструкций.

О стратиграфии внутри могилы 25 будет подробно сказано ниже. Здесь отметим, что в этот каменный ящик захоранивали дважды, и время, прошедшее между двумя этими событиями, могло быть значительным.

Захоронение 14 жеребцов было устроено на уровне горизонта (рис. 22). Одновременность этого действия подтверждается технико-трасологическим анализом уздечных комплектов. По утверждению Р. С. Минасяна, 12 из 14 комплектов удил были изготовлены по одной модели. Перед устройством этой могилы дерн на ее площади был удален, так как погребенная почва здесь отсутствовала. Какой-либо погребальной конструкции вокруг выявить не удалось, но остатки перекрытия из жердей зафиксированы поверх скелетов животных. В профиле *AP* хорошо виден просад насыпи после провала перекрытия,

Рис. 20. Могила 5 в процессе демонтажа срубов.

Fig. 20. Tomb 5. Process of disassembling of the wooden construction.

Рис. 21. Раздавленная колода за юго-восточной стеной погребальной камеры в могиле 5.

Fig. 21. Tomb 5. Smashed wooden coffin behind the south-east wall of chamber.

заложены камнями до уровня поверхности кургана (рис. 23). Этот заклад лег на глиняную прослойку, просевшую вместе с перекрытием. На основании этих наблюдений можно предположить, что конское захоронение было устроено в этом месте одновременно с возведением наземного сооружения. В насыпи была оставлена полость, перекрытая жердями, камнями и глиной. После провала перекрытия воронка была засыпана.

Таким образом, на основании зафиксированных в процессе исследований элементов архитектуры наземного сооружения, погребальных конструкций, стратиграфических и планиграфических наблюдений, дендрохронологических данных можно предложить вариант реконструкции этапов строительства и функционирования погребально-поминального комплекса Аржан-2.

Первый этап (подготовительный). После смерти вождя началось строительство погребального сооружения. Для этого была начата разработка каменоломни в двух километрах северо-восточнее местоположения кургана. При этом был полностью уничтожен скальный останец с петроглифами. Камни с выбитыми изображениями легли в основу первоначальной конструкции. Некоторые из них были преднамеренно использованы в облицовке ограды.

Строительство началось с возведения стены и ограды. Окружность границ кургана, несомненно, была предварительно размечена, очевидно, при помощи веревки. Вероятно, одновременно была выкопана могильная яма в северо-западной части кургана (могила 5). В центр приносилась глина, добываемая рядом, в степи севернее комплекса. Глиной была выложена «дорожка» от южного края кургана к центральной площадке. Вероятно, с юга был оставлен проход в стене и ограде.

Возможно, на этом же этапе была установлена стела в ограде и напротив нее сооружена яма в северной части кургана (могила 2). Погребальные конструкции были изготовлены, привезены и собраны внутри ям.

Окончание подготовительного этапа знаменуют жертвенные действия — захоронение колоды с младенцем у юго-восточной стены погребальной камеры в основной могильной яме, жертвоприношения мелкого рогатого скота и помещение их мяса в основание стелы. Возможно, тогда же устанавливаются два керамических сосуда, развалы которых найдены среди плит ограды. Захоронение убитого мужчины — единственная безынвентарная могила в кургане, обнаруженная в южной части ограды (могила 24), вероятно, связана с закладной жертвой у входа в погребальное пространство.

Второй этап (похороны). Церемония похорон «царя», конечно, далеко не полностью прослеживается на археологическом материале. Очевидно, это был пышный обряд, сопровождавшийся многочисленными жертвоприношениями, в том числе и человеческими. Во всяком случае, женщина, похороненная в основной могиле, была положена в погребальную камеру вместе с вождем. Вероятно, на этом этапе одновременно с основным захоронением совершаются первые погребения на площади, огороженной стеной (могилы 13б и 20-ск. 1).

В могилу «царя» положили котлы и блюдо — атрибуты похоронных ритуалов. В яму могилы 2 поместили украшения «царского» коня, а уздечный набор закладывают между плит в восточной части ограды («клад» 1).

К юго-востоку от кургана, вероятно — одновременно, по единому плану, строятся башнеобразные круглые сооружения. Они, по предположению

Рис. 22. Общий вид конского захоронения — могилы 16.
Fig. 22. Horse grave in tomb 16, general view.

Рис. 23. Могила 16 в профиле AP.
Fig. 23. Tomb 16 in AP profile.

А. Наглера, могли исполнять роль поминальных столов во время проводов умершего вождя. Во всяком случае, никаких находок внутри исследованных «башен» найдено не было, а кости животных и фрагменты керамики обнаружены между ними. Вероятно, потом здесь вывешивались шкуры животных, съеденных на поминках, на что указывают зафиксированные в ряде мест характерные сочетания костей.

Трудно сказать, на этом или следующем этапе были совершены захоронения в коридоре между стеной и оградой. Визуально фиксируемые следы насильственной смерти некоторых погребенных в этих могилах (могилы 22 и 25) позволяют допустить, что они были умерщвлены специально для посмертного сопровождения «царской» четы. В то же время, вторичность погребения в могиле 25 говорит о некоторой растянутости во времени устройства захоронений в некоторых каменных гробницах. Продолжительность этого этапа подтверждается подхоронением в могилу 20 полуразложившегося скелета и созданием еще одного отсека в могиле 13. Более поздние расширения могильных ям, а также могила 12, расположенная точно на краю каменного ящика, свидетельствуют о том, что какое-то время все погребальные комплексы были доступны. Вероятно, над ямами были лишь невысокие насыпи из глины.

Сколько времени площадь кургана не была перекрыта, сказать невозможно. Вероятно, в этот период уже начали создаваться кольцевые ограды вокруг памятника. Скорей всего, строительство их началось с восточной стороны от наиболее упорядоченных рядов. Пережженные кости жертвенных животных могли привозиться из дальних кочевий, где тоже совершались обряды, посвященные умершему вождю (рис. 24). Во всяком случае, следы огня внутри колец не зафиксированы.

Третий этап (окончание похорон). После совершения последнего захоронения на площади кургана и выполнения всех связанных с этими действиями обрядов цикл функционирования открытого погребального пространства завершился. Этот этап знаменует создание первичной насыпи (рис. 25). Сооружение диаметром 45 метров было сложено над всеми могилами таким образом, чтобы край его располагался над северо-западной стенкой основного захоронения. На каменную кладку сверху положили слой глины, ограничив его по окружности. В центре был установлен высокий оленный камень. Возможно, с юга был сделан наклонный подъем на верхнюю площадку. Еще один оленный камень был установлен у края насыпи и мог маркировать этот вход. Вместе со стелой, стоящей у самой северной точки стены, оленные камни образовывали ряд, ориентированный строго меридианально.

Скорей всего, после окончания строительства этого сооружения было совершено еще одно жертвенное захоронение младенца в колоде (могила 11). Сразу после погребения над могилой был разожжен костер, горевший долгое время. С противоположной, восточной стороны первичного кургана тоже был устроен костер.

Возможно, именно на этом этапе была перестроена стена напротив основного захоронения. В пространстве между стеной и оградой устроен жертвенник. Вероятно, это было обусловлено тем, что вход на территорию кургана в конце этого этапа был заложен.

Вероятно, на этом же этапе был совершено захоронение в могиле 8. По каким-то причинам погребенный в ней мужчина не был похоронен на втором этапе. Возможно, каменный ящик на уровне горизонта был сооружен в процессе возведения кладки, но могила могла быть впущена в край первичной насыпи кургана уже позже.

Четвертый этап (заключительный). На первых трех этапах погребальное сооружение строилось и поддерживалось в надлежащем порядке. Затем наступил период пассивного функционирования комплекса. В это время продолжали совершать какие-то обряды рядом с курганом — сооружали кольцевые ограды, делали заклады приношений в северо-восточной части кромлеха. Стена памятника в это время уже начала постепенно разрушаться.

Наконец наступил обусловленный традицией момент заключительной перестройки памятника. Он сопровождался захоронением лошадей. Для этого стену в юго-восточной части кургана разобрали, завели на его площадь четырнадцать взнузданных жеребцов, происходящих из различных табунов (табуны «царя», приношения?) и умертвили их (рис. 26).

После этого акта вся площадь кургана была перекрыта единой насыпью. Остатки стены были использованы в качестве крепиды для нее. Одновременно с возведением окончательного сооружения была обустроена захоронение лошадей — могила перекрыта сначала деревянной клетью из жердей, потом камнем и глиной. Спустя какое-то время, после провала перекрытия, образовавшаяся воронка была засыпана камнями (рис. 27).

В результате всех этих действий комплекс приобрел внешний вид «платформы» из плит и глины с оленным камнем в центре. Ритуальные кольцевые ограды вокруг памятника продолжали создавать еще довольно долго. Вероятно, большое кольца — последние в их ряду. Далее каменное сооружение использовалось для впуска захоронений только в последующие эпохи.

Следует отметить, что далеко не все комплексы и конструктивные детали, зафиксированные в результате исследований, нашли отражение в этой реконструкции. Так, неясным осталось назначение П-образной в плане конструкции из установленных и врытых на ребро плит в юго-западной части кургана (рис. 28). Г. Парцингер в своей реконструкции придает ей большое значение как маркирующей некое направление от могил 24 и 26 через проход между двумя ямами к основному захоронению. Учитывая определение ям 9 и 10 как грабительских, я не исключаю, что конструкция могла быть сооружена на втором этапе функционирования комплекса для каких-то ритуальных действий. Отмечу лишь, что по своим очертаниям и размерам она практически совпадает с площадью могилы 16 — конским захоронением³. Однако наличие в основании погребенной почвы под памятником культурного слоя эпохи бронзы не исключает существование здесь остатков прямоугольной ограды еще до возведения кургана. Подобные сооружения были исследованы в Турано-Уюкской котловине А. В. Адриановым и С. А. Теплоуховым еще в начале XX в. (Кызласов 1979: 24, 25). Возможно, не случайно именно вблизи этого объекта найден единственный развал сосуда с орнаментом и раскопана ямка с углями и подъязычной костью быка в заполнении (Чугунов и др. 2006: 306).

³ На это обратила внимание Н. А. Кушакова при анализе на широкой территории степей Евразии обрядов, связанных с конем, в раннескифское время (работа не опубликована).

Рис. 28. Конструкция из плит в юго-западной части кургана.

Fig. 28. Stone construction in the south-west part of the Kurgan.

Впускная могила 7 была устроена среди камней наземного сооружения. Женщина, погребенная с набором роговых стрел, могла быть похоронена на третьем этапе, но, возможно, могилу впустили позднее, уже после окончательного возведения насыпи. Однако ее связывает с планиграфией кургана то, что размещение этого погребения на площади совпадает с наблюдающейся устойчивой традицией размещения женских захоронений в западной половине комплекса (Сигуров et al. 2003: 145, abb. 31). Кроме того, найденный здесь наконечник редкого типа находит соответствие в одном из колчаных наборов на памятнике, что будет подробнее рассмотрено ниже.

Особого внимания заслуживает определение времени сооружения северного комплекса Аржана-2. Яма, заполненная фрагментированными костями людей и лошадей, могла возникнуть как результат очистки территории кургана от остатков ритуала, подобного описанному Геродотом — выставление на царском скифском кургане всадников, сопровождающих погребенного вождя (Herod. Hist. IV, 72). Во всяком случае, по определению специалистов здесь найдены кости от двенадцати человек и от такого же количества лошадей, что едва ли случайно. Отдельные человеческие кости неоднократно фиксировались и среди камней наземного сооружения при разборке кладки. Но следует признать, что на данном этапе исследований такое предположение однозначно не может быть доказано. Из трех бронзовых предметов только один можно попытаться определить хронологически. Массивная обойма с полусферическими торцами вызывает ассоциации с цилиндрическими пронизями от тягловой упряжи из памятников предскифского времени Европы (Вальчак 2008: 128). Конечно, аналогия не абсолютна и не бесспорна, однако если такое сопоставление подтвердится другими материалами, то комплекс надо отнести к первому наиболее раннему этапу.

Для соотношения отдельных комплексов с этапами функционирования памятника, безусловно, необходимо учитывать типологические особенности найденных в них предметов. На сегодняшний день основным «хроноиндикатором» для памятников раннескифского времени Южной Сибири, Центральной и Средней Азии являются предметы конского снаряжения. В материалах Аржана-2 они также представлены, кратко рассмотрены в отдельной работе (Чугунов 2005б: 103–109) и достаточно «моноклитны» типологически. Для определения хронологической позиции комплекса Аржан-2 в целом и его составляющих в частности очень важно то, что из захоронений получена значительная серия предметов вооружения, включающая втульчатые чеканы, кинжалы, ножи, наконечники стрел. Все они не могут быть подробно рассмотрены в рамках этой статьи. Здесь необходимо разобрать лишь те категории находок, которые встречены в большинстве комплексов на памятнике и позволяют приблизиться к пониманию их относительной последовательности.

Наиболее массовая категория находок на Аржане-2 — наконечники стрел. Колчанные наборы очень показательны для корреляции между отдельными комплексами памятника и еще не рассматривались в целом. Однако, проводя их анализ, необходимо сделать ряд замечаний общего характера, касающихся историографического аспекта разработки их хронологии.

Базовые исследования, к которым обращается подавляющее большинство скифологов, были опубликованы в 60-х годах XX в. Именно тогда в работах К. Ф. Смирнова (1961) и А. И. Мелюковой (1964) были заложены основы классификации предметов вооружения скифского времени. Они остаются во многом актуальными и сегодня, несмотря на значительно возросшую базу источников. Относительная хронология и общее эволюционное развитие различных категорий предметов благодаря тщательной разработке их типологических рядов не претерпели существенных изменений. В то же время абсолютная хронология с тех пор была существенно уточнена. Прежде всего это касается датировки Келермесского могильника — опорного раннескифского памятника, — который к моменту написания указанных работ относили ко второй четверти VI в. до н. э. Сейчас нижняя дата келермесского пласта древностей определена в пределах середины — третьей четверти VII в. до н. э., верхняя не выходит за рубеж VII–VI вв. до н. э. (Галанина 1997: 172–192). Высказано предположение и о еще более ранней дате части могильника (Алексеев 2008: 9). Сдвиг датировки древнейших скифских памятников Предкавказья почти на три четверти столетия неизбежно влечет за собой удревнение многих комплексов и, самое главное, всех разработанных ранее типологических схем. Это касается не только Причерноморского региона, но и более отдаленных территорий «скифского мира». В частности, К. Ф. Смирнов в своих датировках наконечников стрел Поволжья и Приуралья опирался на хронологию бронзовых стрел Скифии и Кавказа (Смирнов 1961: 36). Между тем, когда исследователи пользуются верными типологическими построениями, основанными на устаревшей хронологии, это приводит к ошибочным датировкам комплексов. Особенно это касается восточных областей расселения ранних кочевников, в памятниках которых отсутствуют твердо датированные импорты и абсолютные даты устанавливаются методом привлечения аналогий из других регионов.

Коллекция наконечников стрел, полученная в результате исследований погребально-поминального комплекса, значительна. Стрелковые наборы, включающие различные типы наконечников, найдены в одном женском и четырех мужских погребениях Аржана-2, а также в составе ритуального «клада» 2б. Кроме того, две роговых стрелы находились среди костей скелета в могиле 24 и один бронзовый экземпляр лежал вместе с зеркалом в женском захоронении (могила 13а, ск. 1). Всего коллекция из Аржана-2 включает 83 наконечника — 13 роговых, 1 деревянный, 27 железных и 42 бронзовых (рис. 29). При этом в указанное количество не входят более полусотни железных стрел из основного захоронения, которые восстановить не удалось, однако некоторые наблюдения позволяют предполагать их тип. Стрелковый набор из Аржана-2 позволяет существенно дополнить и в некоторых аспектах скорректировать сделанную ранее классификацию наконечников стрел из памятников Тувы (Чугунов 2000а: 231–238). Рассмотрим эту категорию находок по комплексам.

Самый большой набор из 84 стрел найден в могиле 5. Подсчет общего количества удалось произвести благодаря сохранившимся древкам с вырезами для тетивы на концах (рис. 30). Вычленив из спекшегося в результате коррозии монолита и восстановить удалось только 29 экземпляров, но можно утверждать, что они представляют все типы наконечников, имевшиеся в колчане. Апплицированные золотым и серебряным орнаментом железные наконечники стрел из основной могилы имеют трехгранную сводчатую головку и зажимной насад в виде двух плоских «лапок». У наиболее сохранившихся экземпляров выявлено две формы основания головки — прямое и вогнутое. Один экземпляр с зооморфным декором на гранях имеет головку листовидной формы и, вероятно, также зажимной насад, который сейчас утрачен. В колчане кроме зажимных стрел были роговые пулевидные наконечники (сохранился один, но было не меньше двух). Остальные стрелы в колчане были втульчатými, ромбическими в сечении, что видно по многочисленным обломкам. Они, в отличие от зажимных, не имели орнамента из цветных металлов на гранях. Это затруднило и без того нелегкую работу реставраторов по вычлениению отдельных наконечников из спекшегося монолита. Тем не менее один такой экземпляр удалось выявить. Еще один наконечник того же типа сохранился лишь частично, так как был изготовлен из бронзы, и нижнюю часть его полностью уничтожила коррозия.

В могиле 7, впущенной в наземное сооружение не ранее третьего этапа функционирования кургана, обнаружены шесть роговых черешковых наконечников. Пять из них имеют трехгранное сечение головки, один — четырехгранное. Одна из граней последнего экземпляра заканчивается в нижней части острым шипом. Четыре стрелы из пяти трехгранных также имеют на концах граней подрезку под острым углом к черешку. У одного наконечника этот угол — прямой.

Бронзовый трехлопастной наконечник стрелы с длинным клиновидным черешком найден вместе с зеркалом у левой подвздошной кости женского скелета 1 в могиле 13а. Заметим, что стрела с обломанным фрагментом древка не являлась причиной смерти молодой женщины, а была положена вместе с другими атрибутами погребального инвентаря. Это самый крупный экземпляр из всей серии предметов этой категории, найденных в Аржане-2.

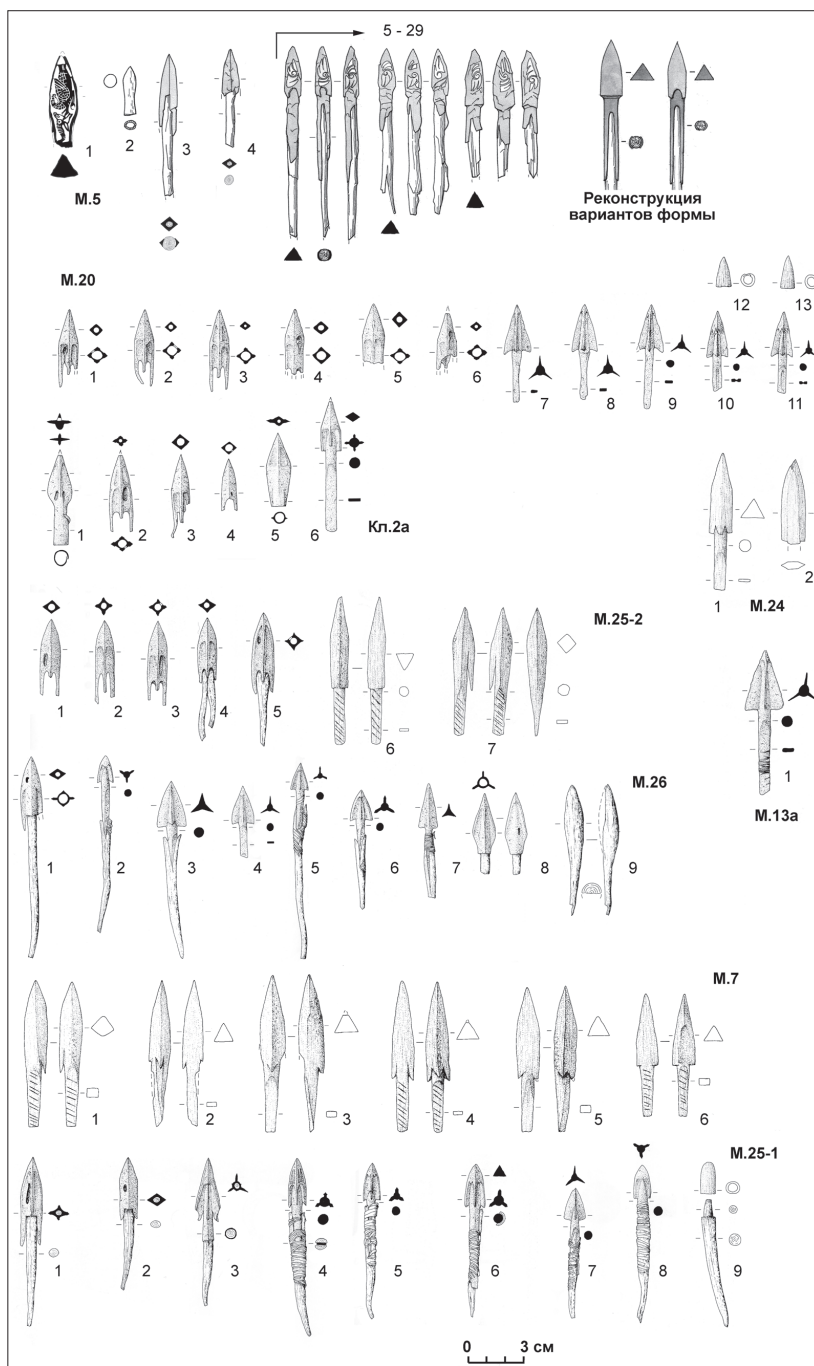

Рис. 29. Наконечники стрел из комплексов кургана Аржан-2.

Fig. 29. Arrow-heads from Arzhan 2.

Рис. 30. Горит с луком и стрелами в могиле 5.

Fig. 30. Bow case with arrows in tomb 5.

В могиле 20 среди предметов вооружения, найденных со скелетом 1, присутствовал колчан со стрелами. Набор включал тринадцать наконечников втульчатой и черешковой группы. Втульчатые стрелы представлены двумя роговыми пулевидными и шестью бронзовыми четырехгранными со скрытой втулкой и прямоугольными выемками на гранях. Эти стрелы башневидной формы, многие имеют литейные каверны и утраты, но сохранившиеся полностью дают представление о форме остальных. Ребра стрел этого типа опущены в виде шипов, причем боковые шипы более длинные, чем центральные. Черешковые трехлопастные наконечники с треугольным абрисом головки. Два из пяти имеют вильчатый узор под трехгранным острием.

В могиле 24 с безынвентарным мужским захоронением две роговые черешковые стрелы найдены среди костей скелета. Одна из них трехгранная с головкой башневидной формы. Второй наконечник — плоский, со сводчатым абрисом головки и обломанным черешком.

В могиле 25 (рис. 31) обнаружено два набора стрел — один находился непосредственно у погребенного мужчины, второй был рассыпан по дну погребальной камеры и принадлежал к инвентарю более раннего захоронения, включающего кроме колчана еще и нож. От этого скелета сохранилась лишь кисть руки на дне могилы. Набор колчана 1 (более позднего) включал восемь бронзовых наконечников и один роговой пулевидный. Из наконечников бронзовых стрел три — втульчатых и пять — черешковых. Все они очень индивидуальны по форме. Втульчатый трехгранно-трехлопастной наконечник уникален: с головкой треугольной формы, шипами на окончании лопастей и длинной, выступающей втулкой. Два других наконечника этой группы — ромбические в сечении. Все черешковые наконечники, кроме одного, имеют сводчатую форму головки. Один из них — с утяжеленным острием и вильчатым узором, еще три относятся к типу трехгранно-трехлопастных. Оформление их головок различно. У одного лопасти спускаются от бойка треугольной формы, у второго основание бойка вильчатое, третий имеет арочное основание головки и две симметричные литые выемки на гранях. Точных аналогий этому экземпляру также нет. Еще один наконечник черешковой группы — трехлопастной, с треугольной формой головки. Набор второго, более раннего колчана включал семь наконечников: пять бронзовых втульчатых, четырехгранных, с опущенными в виде шипов ребрами. Выемки на гранях присутствуют у четырех экземпляров, один — с гладкими гранями. Два роговых черешковых наконечника различны: один из них трехгранный с башневидными очертаниями и один — четырехгранный с шипом.

Колчаный набор бронзовых стрел из могилы 26 состоял из шести экземпляров черешковых трехлопастных наконечников различных пропорций и двух втульчатых. Здесь же найдена цельнодеревянная стрела — томар. Один из черешковых наконечников — с утяжеленным бойком и вильчатым узором, один имеет головку остроугольной формы. Наконечники втульчатой группы своеобразны. Один из них — четырехгранно-двухлопастной, с опущенной в виде шипа лопастью (вторая обломана). Вторая стрела трехлопастная. Она имеет остролистый абрис головки и слегка выступающую втулку.

Еще один комплекс наконечников стрел обнаружен в составе ритуального «клада» 26 между плит облицовки кромлеха кургана (рис. 32). Он включает

Рис. 31. Захоронение в могиле 25.

Fig. 31. Grave in tomb 25.

Рис. 32. «Клад»-приношение 2б между плит ограды на участке TU.

Fig. 32. Hoard 2b between the stones on the fence in TU area.

пять втульчатых стрел и одну черешковую. Из наконечников втульчатой группы один не имеет аналогий в материалах алды-бельской культуры. Это двухлопастной экземпляр с длинной втулкой и остролистым абрисом головки. Он имеет высокое приостренное ребро, спускающееся от острия к втулке, и шип у основания лопасти. Еще один наконечник — четырехгранный, с ромбовидным абрисом головки и скрытой втулкой. Остальные втульчатые наконечники также четырехгранные, со скрытой втулкой и опущенными в виде шипов ребрами. Два из них со сводчатой головкой, один имеет башневидную форму. Черешковый четырехгранно-лопастной наконечник — с ромбическим в сечении бойком и башневидной формой головки.

Перед тем как перейти к классификации всего набора наконечников стрел из Аржана-2, следует напомнить, что стратиграфические наблюдения, сделанные в процессе исследований, позволяют синхронизировать большинство погребальных комплексов внутри памятника только соответственно этапам его функционирования. Принимая во внимание, что мы не знаем, насколько длительным мог быть процесс погребения и поминок, все же можно обозначить самую общую последовательность комплексов по времени их помещения в курган. Это уже было сделано при реконструкции этапов строительства и функционирования погребально-поминального комплекса, но здесь уместно еще раз вернуться к стратиграфическим наблюдениям, сосредоточив внимание на объектах с наконечниками стрел. Первоначальными комплексами со стрелами в кургане, безусловно, являются могилы 5 и 20, которые сооружены до возведения первоначального наземного сооружения. Какой промежуток времени был между ними и захоронениями в могилах 25 и 26 — сказать на основании данных стратиграфии невозможно. Достаточно редкий случай внутренней стратиграфии наблюдается в могиле 25, где найдены два набора наконечников. Разница в составе стрел двух колчанов может быть информативной и свидетельствовать о довольно длительном функционировании комплекса. «Клад» 26 мог быть помещен между плит кромлеха сразу после его постройки. Косвенно на это указывает обнаруженный рядом «клад» 2а, который залегал за внешними плитами, в то время как набор стрел, обоймы пояса и удила найдены за третьим рядом камней многослойной ограды. Стрелы, обнаруженные среди костей в могиле 24, могут оказаться синхронны началу функционирования кургана только в том случае, если предположения о жертвенном характере этого погребения справедливы.

Для классификации всех находок этого вида вооружения использованы классические принципы, заложенные К. Ф. Смирновым (1961) и применяемые подавляющим большинством исследователей. В работе, посвященной классификации наконечников стрел из памятников Южного Приаралья, Л. Т. Яблонский подробно рассмотрел понятийный аппарат, что избавляет нас от необходимости останавливаться на этом вопросе (Яблонский 2006: 277–282). Однако хочется заметить, что затруднения в разделении некоторых типов по форме головки, отмечаемые автором (там же: 280), могут быть частично сняты за счет более дифференцированного подхода к выделению отделов по сечению наконечника. Если принять во внимание различное сечение головки в средней части и в основании, то выделяются отделы трехгранно-трехлопастных или четырехгранно-двухлопастных стрел. Классификация бронзовых наконечников стрел Тувы, сделанная ранее по материалам колчаных наборов алды-бельской культуры

(Чугунов 2000а: 213–238), показала, что именно на уровне отделов можно зафиксировать наиболее значимые связи и хронологические группировки материала. Эта работа взята за основу предлагаемой ниже классификации (табл. 1). Отметим лишь, что на верхнем таксономическом уровне все находки стрел из Аржана-2 на основании материала могут быть разделены на две категории — металлические и роговые (костяные). Представляется правомерным рассмотреть здесь железные и бронзовые наконечники в одной категории, так как в данном случае материал не повлиял на типобразующие признаки предметов. На это указывают бронзовая и железные стрелы втульчатой группы из основного погребения кургана. Деревянный наконечник не учтен в классификации в силу единичности в комплексе Аржана-2 и малой изменчивости такого рода предметов в широком временном диапазоне. При описании типов здесь справедливы замечания, которые отмечены в упомянутой работе для стрел из памятников Южного Приаралья (Яблонский 2006: 282). Все это должно облегчить последующие сопоставления материалов Аржана-2 с находками из других регионов.

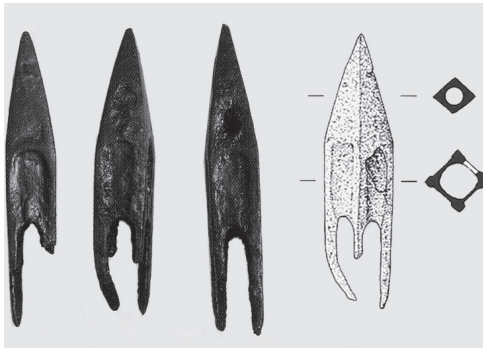
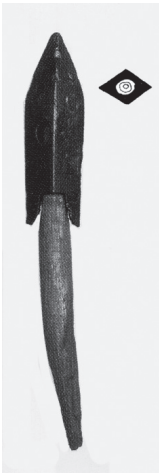
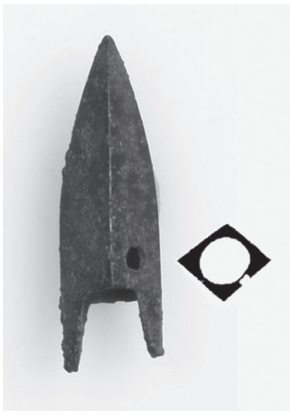
Итак, в классификации стрел из колчаных наборов из погребально-поминального комплекса Аржан-2 выделено 30 типов/вариантов для 82 наконечников. Такая дробность обусловлена разнообразием этих изделий, характерным для колчанов алды-бельской культуры. Между тем, некоторые типы и варианты встречены не в одном, а в двух и более комплексах памятника. Для наглядности построена корреляционная таблица встречаемости типов/вариантов, из которой видно, что весь массив стрел распадается на две группы (табл. 2). В верхней части таблицы сосредоточены типы наконечников из колчана 1 могилы 25 и набор из могилы 26. Общими для них являются два типа черешковых стрел — 2А2 и 2А1а. Последний тип — один из самых распространенных, встречается и в других наборах. Собственно, только трехлопастные черешковые наконечники связывают обе группы комплексов. Отметим, что именно отдел трехлопастных черешковых стрел связал раннюю и позднюю группы алды-бельских колчаных наборов при первом анализе классификации этого вида вооружения (Чугунов 2000а: 222, 223). Чем объясняется такое распределение разных типов в пределах одного памятника — хронологическими или иными причинами? Ответ на этот вопрос должен дать анализ всех находок и выявление тенденций развития наконечников стрел в Туве, с привлечением аналогий из других регионов культур скифо-сакского типа и их окружения.

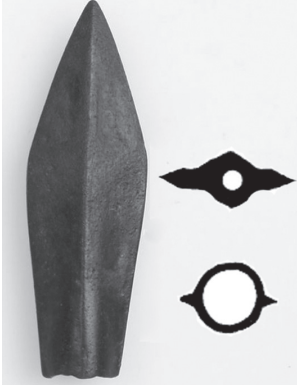
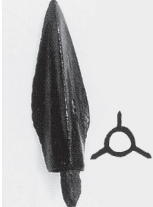
Переходя к анализу выделенных типов/вариантов стрел, найденных в комплексах Аржана-2, необходимо сделать ряд замечаний, касающихся общих моментов развития этого вида вооружения в целом и на территории Тувы в частности. Эволюция формы стрел у ранних кочевников Евразии разработана пока еще в самых общих чертах. В различных регионах она зависит от «закрытости» и консервативности культуры или, напротив, открытости ее влияниям извне. Сопоставимость разных типов и вариантов — обычное явление для колчаных наборов раннескифского времени, и датировка комплексов должна основываться даже не на самых поздних типах (нельзя исключить, что они появились раньше, чем мы считаем), а на преобладании того или иного типа. При этом, конечно, нельзя игнорировать и единичные формы, которые могут иметь аналогии на удаленных территориях и датироваться по своей независимой линии сопоставлений, тем более что в азиатской зоне кочевого мира отсутствуют хронологические реперы, позволяющие установить узкие даты для того или иного типа.

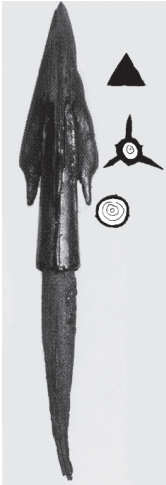

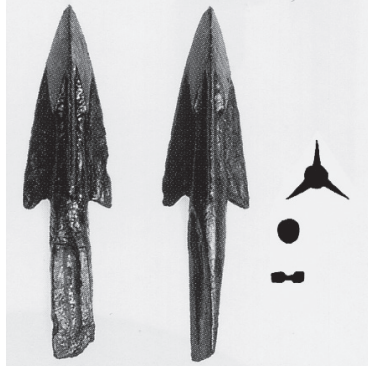
Таблица 1

Классификация наконечников стрел из кургана Аржан-2

<p>Категория I. Металлические</p> <p>По способу насада металлические наконечники могут быть подразделены на три группы: втульчатые, черешковые и зажимные</p> <p>Группа 1. Втульчатые</p> <p>По сечению головки группа подразделяется на пять отделов: двухлопастные, четырехгранно-двухлопастные, четырехгранные, трехлопастные и трехгранно-трехлопастные</p> <p>Отдел А. Втульчатые двухлопастные</p>		
<p>Тип 1А1</p>	<p>С остролистной головкой, длинной втулкой, высокой нервюрой по середине головки и шипом в основании одной из лопастей — «клад» 26, № 1</p>	
<p>Отдел В. Втульчатые четырехгранно-двухлопастные</p>		
<p>Тип 1В1</p>	<p>Со сводчатой головкой, выделенной втулкой, с лопастями от середины головки, опущенными ниже основания в виде шипов — могила 26, № 1</p>	
<p>Тип 1В2</p>	<p>Со сводчатой головкой, вогнутыми гранями и высоким центральным ребром, короткой выделенной втулкой, отделенной от бойка поперечными валиками, с узкими лопастями-шипами от боковых граней — могила 25, колчан 1, № 1</p>	

<i>Отдел С. Втульчатые четырехгранные</i>	
Тип 1С1	С головкой башневидной формы, скрытой втулкой, с опущенными ребрами граней ниже основания в виде шипов
Вариант 1С1а	<p>С боковыми и центральными ребрами граней, опущенными в виде шипов ниже основания (от центральных ребер шипы короче, чем от боковых). На гранях арочные выемки, выделяющие боек — могила 20, № 1–6; могила 25, колчан 2, № 2–4; «клад» 2б, № 4</p>
Вариант 1С1б	<p>Грани гладкие, короткие шипы опущены от боковых граней и моделированы трапециевидным вырезом в основании — могила 25, колчан 1, № 2</p>
Тип 1С2	<p>Со сводчатой головкой, гладкими гранями, скрытой втулкой и с боковыми ребрами граней, опущенными ниже основания в виде шипов — могила 5, № 3, 4; «клад» 2б, № 4. Вероятно, остальные (не сохранившиеся) экземпляры из могилы 5</p>
Тип 1С3	<p>Со сводчатой головкой, скрытой втулкой, с боковыми и центральными ребрами граней, опущенными в виде шипов ниже основания (от центральных ребер шипы короче, чем от боковых)</p>

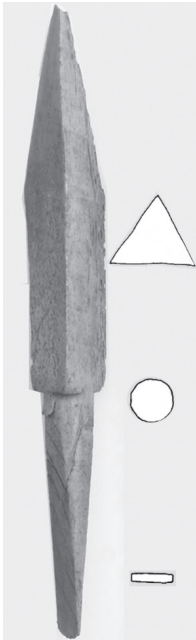
<p>Вариант 1С3а</p>	<p>Грани гладкие — могила 25, колчан 2, № 1</p>	
<p>Вариант 1С3б</p>	<p>На гранях арочные выемки, выделяющие боек — могила 25, колчан 2, № 5; «клад» 2б, № 2</p>	
<p>Тип 1С4</p>	<p>С головкой ромбовидной формы, скрытой втулкой, плавно переходящей в грани, с выемками на бойке — «клад» 2б, № 5</p>	
<p><i>Отдел D. Втульчатые трехлопастные</i></p>		
<p>Тип 1D1</p>	<p>С остролистной головкой, короткой подрезанной втулкой, доходящей до небольшого выделенного бойка — могила 26, № 8</p>	

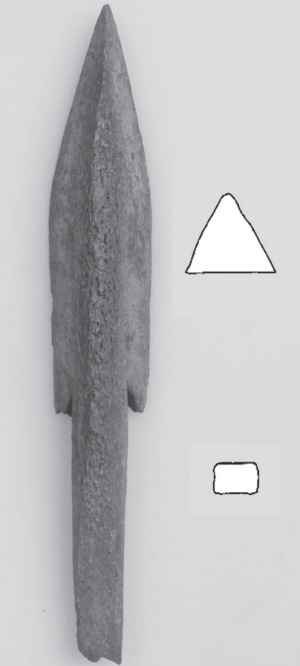
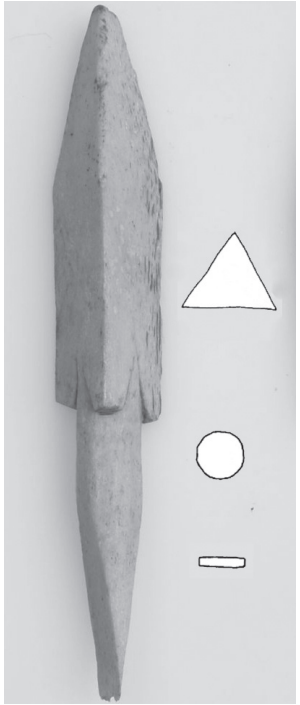
<i>Отдел Е. Втульчатые трехгранно-трехлопастные</i>		
Тип 1Е1	С треугольной головкой, длинной втулкой, трехгранным бойком и шипами на основаниях лопастей — могила 25, колчан 1, № 3	
Группа 2. Черешковые		
По сечению головки группа разделена на три отдела: трехлопастных, трехгранно-лопастных и четырехгранно-лопастных		
<i>Отдел А. Черешковые трехлопастные</i>		
Тип 2А1	С треугольной головкой	
Вариант 2А1а	Без выделенного бойка — могила 13а; могила 20, № 7–9; могила 25, колчан 1, № 7; могила 26, № 3–6	
Вариант 2А1б	С бойком, выделенным вильчатым узором — могила 20, № 10, 11	

<p>Тип 2A2</p>	<p>Со сводчатой головкой и выделенным бойком — могила 25, колчан 1, № 5; могила 26, № 2</p>	
<p>Тип 2A3</p>	<p>С головкой остроугольной формы — могила 26, № 7</p>	
<p><i>Отдел В. Черешковые трехгранно-трехлопастные</i></p>		
<p>Тип 2B1</p>	<p>Со сводчатой головкой</p>	
<p>Вариант 2B1a</p>	<p>С бойком, занимающим почти половину длины головки, и лопастями, образующими с основанием бойка П-образную выемку — могила 25, колчан 1, № 8</p>	

<p>Вариант 2В1б</p>	<p>С бойком, занимающим почти половину длины головки, с вильчатым узором в основании — могила 25, колчан 1, № 6</p>	
<p>Вариант 2В1в</p>	<p>С бойком, занимающим половину длины головки, парными выемками на его гранях, образующими вертикальную линию от основания к острию на середине грани и лопастями, образующими с основанием бойка арочное основание головки — могила 25, колчан 1, № 4</p>	
<p><i>Отдел С. Черешковые четырехгранно-лопастные</i></p>		
<p>Тип 2С1</p>	<p>С головкой башневидной формы с боковыми и центральными ребрами граней, опущенными в виде узких лопастей (от центральных ребер лопасти короче, чем от боковых) — «клад» 2б, № 6</p>	

Группа 3. Зажимные	
Все зажимные наконечники в комплексе кургана по сечению головки относятся к отделу трехгранных	
<i>Отдел А. Зажимные трехгранные</i>	
Тип 3А1	Со сводчатой головкой
Вариант 3А1а	С прямым основанием головки — могила 5
Вариант 3А1б	С вогнутым основанием головки — могила 5
Тип 3А2	С листовидной головкой — могила 5, № 1

Категория II. Роговые (костяные)		
По способу насада роговые наконечники могут быть подразделены на две группы: втульчатые и черешковые		
Группа 1. Втульчатые		
Все втульчатые наконечники в комплексе кургана по сечению головки — круглые и относятся к отделу пулевидных		
<i>Отдел А. Втульчатые пулевидные</i>		
Тип II-1A1	С острой головкой — могила 5, № 4; могила 20, № 12, 13	
Тип II-1A2	С тупой округлой головкой — могила 25, колчан 1, № 9	
Группа 2. Черешковые		
Все черешковые роговые наконечники по сечению головки относятся к трем отделам: трехгранные, четырехгранные и плоские		
<i>Отдел А. Черешковые трехгранные</i>		
Тип II-2A1	С головкой башневидной формы	
Вариант II-2A1a	С прямым основанием головки — могила 7, № 6; могила 25, колчан 2, № 6	

<p>Вариант II-2A1б</p>	<p>С подрезкой основания ребер головки под острым углом к черешку в виде шипов — могила 7, № 2, 3, 5</p>	
<p>Вариант II-2A1в</p>	<p>С треугольными вырезами в основании граней — могила 24, № 1</p>	

<p>Тип II-2A2</p>	<p>Со сводчатой остроугольной головкой — могила 7, № 4</p>	
<p><i>Отдел В. Черешковые четырехгранные</i></p>		
<p>Тип II-2B1</p>	<p>С башневидной головкой без выделенного основания и одним шипом — могила 25, колчан 2, № 7; могила 7, № 1</p>	

Отдел С. Черешковые плоские (с шестигранным сечением головки)		
Тип II-2С1	Со сводчатой головкой и прямой подрезкой в основании лопастей (черешок обломан) — могила 24, № 2	

Таблица 2
Корреляция совстречаемости типов/вариантов наконечников стрел из комплексов кургана Аржан-2

	10	15	2	14	12	3	5	11	16	17	18	24	28	26	25	29	7	8	4	1	9	19	6	23	20	21	22	13	27	30						
10	1D1	X	+	+	+																															
15	2A3	+	X	+	+																															
2	1B1	+	+	X	+																															
14	2A2	+	+	+	X	+																														
12	2A1a	+	+	+	+	X	+																													
3	1B2						+																													
5	1C16						+																													
11	1E1						+	X																												
16	2B1a						+	+	X																											
17	2B1б						+	+	+	X																										
18	2B1B						+	+	+	+	X																									
24	II-1A2						+	+	+	+	+	X																								
28	II-2A2												X																							
26	II-2A16												+	X																						
25	II-2A1a												+	+	X																					
29	II-2B1												+	+	+	X																				
7	1C3a																																			
8	1C3б																																			
4	1C1a																																			
1	1A1																																			
9	1C4																																			
19	2C1																																			
6	1C2																																			
23	II-1A1																																			
20	3A1a																																			
21	3A1б																																			
22	3A2																																			
13	2A16																																			
27	II-2A1б																																			
30	II-2C1																																			

Памятники Тувы не являются исключением. Попытка реконструировать развитие колчанного набора на этой территории предпринималась (Чугунов 2000а), но появление нового материала неизбежно внесло в схему этой эволюции коррективы. Некоторые выводы о времени появления и сосуществования отдельных типов стрел, сделанные рядом исследователей для других регионов, здесь могут быть использованы только с учетом местной специфики развития стрелковых наборов. Так, справедливое для памятников Средней Азии и Казахстана заключение И. Н. Медведской о датировке комплексов с черешковыми наконечниками при отсутствии втульчатых трехлопастных не позже VII в. до н. э. (1972: 83) для памятников Тувы неприменимо, так как черешковая группа стрел существует здесь еще в III в. до н. э., а втульчатые наконечники «скифо-савроматских» типов на эту территорию практически не проникают совсем. Черешковые бронзовые наконечники имеют в Туве свою линию развития, выразившуюся в тенденции уменьшения общих размеров стрелы, а также изменения пропорций отношения длины черешка к длине головки (Мандельштам 1983: 30; Чугунов 2000а: 224). Эти наблюдения позволяют достаточно уверенно отличить набор стрел алды-бельской культуры от более позднего уюкско-саглынского набора. В алды-бельских памятниках наконечников втульчатой группы найдено примерно столько же, сколько и черешковых. Стрелы с зажимным способом насада здесь составляют наибольший процент в стрелковых наборах среди всех прочих регионов степной Евразии (Чугунов 2000б: 165). Замечено также, что трехгранные наконечники со скрытой втулкой характерны именно для поздних алды-бельских памятников. В уюкско-саглыньских колчанах конца VI–IV в. до н. э. абсолютно преобладают черешковые наконечники, а втульчатая группа стрел представлена незначительным процентом трехгранных экземпляров, присутствие которых, как правило, свидетельствует о довольно ранней (в пределах этого периода) дате комплекса (Чугунов 2000а: 224). Соответственно, общая тенденция развития стрелкового набора в скифское время на территории Тувы направлена на постепенное уменьшение процента втульчатых стрел.

В то же время набор стрел втульчатой группы из кургана Аржан-1 и отсутствие в нем черешковых наконечников позволяет предполагать появление последних в Туве не ранее середины VIII в. до н. э. На это косвенно указывает почти полное отсутствие здесь двухлопастных черешковых форм. При этом находки бронзовых двухлопастных втульчатых наконечников в комплексах Тувы (за исключением кургана Аржан-1) чрезвычайно редки. Вероятно, здесь им на смену достаточно быстро приходят четырехгранные формы. Поэтому с большой долей вероятности можно принять для Тувы тезис о том, что «если вместе с черешковыми трехлопастными в наборе отсутствуют двухлопастные втульчатые, нельзя исключить VI в. до н. э. как время существования такого набора» (Итина, Яблонский 1997: 50). Соответственно, в памятниках Саяно-Алтая наличие двухлопастных втульчатых наконечников, вероятно, может говорить о дате не позже VII в. до н. э., так как в VI в. до н. э. они точно выходят из употребления.

Рассмотрим те редкие комплексы на территории Тувы, где сочетаются стрелы черешковой группы с втульчатыми двухлопастными. Один из них — Усть-Хадынныг I, курган 3, могила 4 (Виноградов 1980: 63, рис. 1) — был приведен

при первом анализе стрелковых наборов (Чугунов 2000а: 214, рис. 1: 1). Радиоуглеродные даты, полученные для образцов органики из этого погребения (Алексеев и др. 2005: 102–104), синхронизируют его с комплексом Аржана-1. Но, исходя из изложенных выше принципов датирования состава стрелкового набора, наличие черешковых наконечников ограничивает нижнюю дату серединой VIII в., а присутствие втульчатого двухлопастного дает верхний предел датировки — не позже VII в. до н. э.

Два других памятника с интересующими нас наборами стрел опубликованы сравнительно недавно, хотя первые сведения о них появились сразу после исследований (Дэвлет 1971: 255–263; 1975: 119–127; 2004: 28–37). Это могильник Тоора-Хем, Вторая поляна (курган 2) и курган у Ийской лесной школы. Они раскопаны экспедицией под руководством М. А. Дэвлет в горно-таежном Тоджинском районе Тувы и представляют собой своеобразные погребальные комплексы, сочетающие черты культуры раннескифского времени Тувы и тагарской культуры Минусинской котловины. Содержимое мешочка со стрелами, найденного в кургане 2 около Тоора-Хема, представляет очень архаичный набор наконечников. Он включает три трехлопастных черешковых стрелы с утяжеленным бойком, четыре двухлопастных втульчатых асимметрично-ромбической формы и два пулевидных бронзовых наконечника с приостренной головкой. В том же кургане вне мешочка еще был обнаружен четырехгранный втульчатый наконечник ромбовидной формы (Дэвлет 1975: рис. 2: 1). Двухлопастные экземпляры по своему типу сопоставимы со стрелами соответствующей части колчанного набора Большого Гумаровского кургана, датированного началом VII в. до н. э. (Исмагилов 1988: 36, рис. 5). Пулевидные наконечники из бронзы найдены в кургане Аржан-1 и в кургане 23 могильника Сакар-Чага 6 (Яблонский 1996: 42, рис. 19: 6). Первый памятник датируется рубежом IX–VIII вв., второй — концом VIII–VII вв. до н. э. Роговые пулевидные стрелы представлены в колчанах алдыбельской культуры достаточно широко, однако представляется, что в данном случае бронзовые экземпляры могут выступать их прототипами. Вероятно, они исчезли из стрелковых наборов, заменившись на роговые, уже в начале раннескифского времени. Таким образом, датировка набора наконечников стрел из кургана 2 могильника Тоора-Хем, Вторая поляна, может быть определена в пределах второй половины VIII — первой половины VII в. до н. э.

Курган около Ийской лесной школы, помимо большого количества других интереснейших материалов, содержал и два стрелковых набора (Дэвлет 2004: 33–36, рис. 9, 10). Поскольку они найдены в парном захоронении (могила 3), то и рассматривать их можно вместе. Помимо бронзовых стрел колчаны содержали десять костяных черешковых трехгранных наконечников (вариант II-2A1б). Бронзовые представлены пятью втульчатыми и четырьмя черешковыми стрелами. Из втульчатых только один наконечник относится к отделу двухлопастных и имеет головку листовидной формы. Все остальные индивидуальны: один аналогичен наконечникам из могилы 20 Аржана-2 (вариант 1С1а нашей классификации), еще два четырехгранных ромбовидных (один из них, судя по рисунку, может быть раскован из двухлопастного) и один относится к отделу четырехгранно-двухлопастных с вильчатым основанием бойка и выступающей втулкой. Черешковые трехлопастные наконечники тоже разнообразны: один со сводчатой головкой и утяжеленным выделенным бойком, остальные —

с треугольной головкой, но один из них также имеет выделенный боек с вильчатым основанием. Этот стрелковый набор, безусловно, сформировался позже, чем рассмотренный ранее. Остальные находки также указывают на это, но не противоречат датировке комплекса VII в. до н. э.

В Аржане-2 единственный втульчатый двухлопастной наконечник найден в составе предметов ритуального «клада» 2б между плит ограды кургана. Он своеобразной формы и не имеет точных аналогий. Более всего этот экземпляр по своим характеристикам соответствует описанию типа IA8-1 классификации Л. Т. Яблонского (2006: 283), отличаясь от него высокой острой нервюрой и наличием шипа. Наконечник указанного типа найден в составе большого колчанного набора в кургане 20 могильника Сакар-Чага 6 (Яблонский 1996: рис. 17: 50). Набор, как и весь могильник, датирован автором раскопок концом VIII–VII вв. до н. э. При этом, присутствие в этом колчане наконечников так называемой килевидной или башневидной формы (там же: рис. 17: 60, 61), ассоциируемых с изделиями предкифского периода, позволяет, на мой взгляд, ограничить верхний хронологический рубеж комплекса серединой VII столетия. Отметим, что в этом очень разнообразном по типам представленным стрел колчанном наборе присутствуют и другие экземпляры наконечников, находящие соответствия в Аржане-2. Это, прежде всего, стрелы, относящиеся к отделу втульчатых четырехгранных и наиболее распространенные в аржанской серии. Причем здесь присутствуют наконечники различных очертаний головки — башневидные, сводчатые, ромбовидные. Кроме того, 4 экземпляра наконечников типа ID8 по Л. Т. Яблонскому согласно нашей классификации относятся к отделу четырехгранно-двухлопастных и отличаются от стрелы № 1 из могилы 2б тем, что лопасти их примыкают к втулке, а не спускаются в виде шипов ниже ее основания. Группа черешковых стрел в кургане 20 могильника Сакар-Чага 6 также разнообразна: здесь присутствуют наконечники с треугольной и сводчатой формой головки, почти все с выделенным бойком, у некоторых основание бойка вильчатое. Кроме того, размеры трехгранного бойка, превышающие половину длины головки стрелы, позволяют отнести ряд наконечников к отделу трехгранно-трехлопастных нашей классификации. Таким образом, стрелковый набор из Южного Приаралья показывает, что уже с конца VIII и до середины VII в. до н. э. использовались наконечники стрел самых разных типов. Если вернуться к двухлопастному наконечнику из клада 2 в ограде Аржана-2, то отсутствие точных аналогий не позволяет исключить его более позднюю датировку. Возможно, высокая острая нервюра, проходящая через всю головку, является специфичной для тувинских стрел. Двухлопастной втульчатый наконечник с такой особенностью имеется в коллекции С. А. Теплоухова в Эрмитаже (инв. 5133/6) и происходит из случайных сборов в районе пос. Туран (Полторацкая 1966: 99, рис. 11: 3).

Еще один наконечник из «клада» 2б — четырехгранный с ромбическим абрисом и скрытой втулкой (тип 1С4) — аналогичен по форме головки стрелам из алды-бельского комплекса кургана 16 могильника Баданка IV, раскопанного Н. А. Боковенко (Чугунов 2000а: 215, рис. 1: //). Вместе с тем, набор из Баданки имеет свои особенности. Характерной чертой этих наконечников являются выраженные поперечные валики, соединяющие углы на гранях. Этого валика нет у стрелы из аржанского «клада». Сближает же последний со стрелами

из Баданки моделировка нижней части, когда грани более или менее уплощены и просматриваются очертания втулки. Оба варианта — стрела, аналогичная найденной в Баданке, и наконечник типа 1С4 — встречены в одном наборе в комплексе кургана 39 могильника Уйгарак (Вишневская 1973: табл. XIII: 10, 16). Он датируется автором раскопок VII–VI вв. до н. э. на основании присутствия в нем двухлопастных втульчатых экземпляров и отсутствия трехлопастных втульчатых (там же: 121). При этом отметим, что стрелы с поперечным валиком встречены вместе с двухлопастными втульчатыми наконечниками в памятнике Боровое III в районе Бийска (Абдулганеев 1991: 93–97, рис. 2: 12–16; Кирюшин, Тишкин 1997: рис. 62). Набор стрел, найденный вместе с керамикой бийского этапа большереченской культуры, по мнению М. Т. Абдулганеева, датирует этот этап VI — началом V в. до н. э. (1991: 99). Между тем, изложенные выше соображения не позволяют относить такое сочетание наконечников позже, чем к концу VII в. до н. э. Наличие же среди двухлопастных стрел экземпляров с ромбической формой головки (типа найденных в Аржане-1) отодвигает эту дату, по меньшей мере, еще на полстолетия вглубь. Здесь же найден четырехгранно-двухлопастной наконечник, аналогичный упомянутым стрелам из кургана 20 Сакар-Чаги 6. Кроме того, наконечник с поперечным валиком входит в набор стрел из кургана 84 Уйгарака, отнесенного автором раскопок к VI в. до н. э. Относительно датировки этого комплекса, включающего биметаллический чекан и удила со стремевидными окончаниями, уже неоднократно высказывались разные авторы. Его датировку определяют в пределах VIII–VII вв. до н. э. по набору стрел (Медведская 1972: 84, 89; Горбунова 2001: 191) и на основании аналогий чекану (Курочкин, Субботин 1993: 59).

Как отмечено выше, общим признаком у рассматриваемого наконечника из «клада» 26 с ромбовидными стрелами с поперечным валиком является моделировка нижней части, где просматриваются очертания втулки. Эта особенность, с одной стороны, выделяет данный тип из числа других четырехгранных наконечников, с другой — позволяет сделать некоторые замечания относительно эволюции четырехгранных стрел со скрытой втулкой.

Принято считать, что бронзовые наконечники со скрытой втулкой происходят от роговых стрел аналогичной формы (Смирнов 1961: 58; Яблонский 1996: 39). Однако в данном случае можно предположить, что некоторые типы четырехгранных стрел происходят от двухлопастных втульчатых⁴. Четырехгранно-двухлопастные наконечники с ромбической головкой, вероятно, демонстрируют начало этого процесса, приведшего к появлению стрел с поперечным валиком. Судя по составу наборов, в которых они встречаются, валик на головке стрелы является сравнительно ранним признаком. Отсутствие его у наконечника из клада 2 при совпадении остальных признаков свидетельствует, вероятно, о более поздней хронологической позиции этого типа.

Стрела № 1 из могилы 26 также демонстрирует эволюцию формы от двухлопастной к четырехгранной — тип 1В1. Типологически сходные экземпляры

⁴ Если упомянутый выше четырехгранный наконечник ромбических очертаний из раскопок М. А. Дэвлет в Тодже действительно перекован из двухлопастного (Дэвлет 2004: 34, рис. 9: 1), то это прямое подтверждение такого генезиса. Однако для окончательного утверждения этого необходимо специальное трасолого-технологическое исследование изделия, хранящегося в Национальном музее Республики Тыва.

найжены в ранних алды-бельских комплексах на р. Хут (Чугунов 2000а: 215, рис. 1: III, IV) и Сарыг-Булун (Семенов, Килуновская 1990: 40, рис. 2: 28–30). Отличие этих стрел состоит в том, что они имеют башневидный абрис. Близкие по форме стрелы, но с несколько иными пропорциями головки происходят из комплексов Южного Зауралья, датированных VII–VI вв. до н. э. (Таиров 2007: 178, рис. 2: 6, 11).

Сходство стрелы № 1 из могилы 26 с двухлопастными формами усиливается за счет нервюры, идущей от обреза втулки и переходящей в центральное ребро граней на бойке. Дальнейшее развитие формы — наконечник № 1 из колчана 1 могилы 25 (тип 1B2), имеющий выемки на гранях и совсем короткую втулку. За счет вогнутости граней центральное ребро этой стрелы напоминает высокую нервюру двухлопастной стрелы из «клада» 26. Окончательное формирование четырехгранного наконечника с гладкими гранями демонстрирует тип 1C2.

Продолжая рассмотрение наконечников втульчатой группы, необходимо заметить, что абсолютные преобладающие в комплексах Аржана-2 (не считая не сохранившихся железных наконечников типа 1C2) типы стрел — 1C1 и 1C3 — по сути, различаются лишь очертаниями. Между тем, как справедливо отметил Л. Т. Яблонский (2006: 280), форма наконечника может изменяться в процессе его функционирования в результате заточки. В частности, головка сводчатой формы может приобрести башневидные очертания. Выемки на гранях, служащие основанием для выделения вариантов, также могут быть очень слабо проработаны из-за некачественной отливки и вследствие многократного тиражирования. Основной признак, общий для обоих типов — опущенные в виде узких шипов ребра граней, — позволяет рассмотреть их вместе. В Аржане-2 такие стрелы найдены в комплексах могилы 20, «клада» 26 и в колчане 2 могилы 25. В Туве наконечники такого типа зафиксированы в кургане на р. Ий (Дэвлет 2004: 34, рис. 9: 3), алды-бельских памятниках Усть-Хадынныг I (Виноградов 1980: 63, рис. 1: 5) и Сарыг-Булун (Семенов, Килуновская 1990: 38, рис. 2: 25, 26, 31). Датировка первых двух комплексов, как показано выше, едва ли выходит за пределы VII в. до н. э. Материалы погребений, исследованных в двух курганах могильника Сарыг-Булун, были датированы авторами раскопок V в. до н. э. (Семенов, Килуновская 1990: 46), поэтому необходимо остановиться на них подробнее. Пять погребений, четыре из которых содержали представительные комплексы материалов, находились в пределах двух стратиграфически взаимосвязанных курганов. Ранний памятник (курган 1) был перекрыт более поздним курганом 2, причем могила 2, содержавшая мужское захоронение с чеканом и колчаном, находилась под оградой последнего. В могиле 5 кургана 2^е исследовано погребение подростка в колоде с луком и колчаном. Анализ наконечников из этих колчанов показал, что стрелы из кургана 1 типологически относятся к ранней группе стрелкового набора алды-бельской культуры, а стрелы из кургана 2 — к поздней. Объединяет их только присутствие наконечников зажимной группы, но в первом они имеют трехлопастную головку, а во втором — трехгранно-трехлопастную. Для раннего набора характерны втульчатые четырехгранно-двухлопастные (тип 1B1) и четырехгранные (тип 1C3а)

⁵ На памятнике была принята сквозная нумерация могил для обоих курганов: в кургане 1 исследованы могилы 1–3, в кургане 2 — могилы 4 и 5.

экземпляры; для позднего — втульчатые трехгранно-трехлопастные наконечники. В последнем присутствуют и стрелы черешковой группы, отсутствующие в раннем наборе. В кургане 1 кроме набора стрел среди других категорий инвентаря присутствуют многочисленные аналогии материалам Аржана-2 — пектораль, серьги с конусами, янтарные бусы, чекан с плоским обухом, — позволяющие утверждать, что ранний комплекс Сарыг-Булуна по целому ряду сопоставлений очень близок по времени «царскому» кургану. Этот памятник особенно важен стратиграфическим положением и наличием более позднего комплекта стрел, некоторые из которых не находят соответствий в материалах элитного погребально-поминального комплекса. В то же время, поздний стрелковый набор из могилы 5 Сарыг-Булуна находится в рамках алды-бельской традиции. На это же указывает и погребальный обряд самого захоронения. Временной разрыв между двумя курганами неясен, но, учитывая залегание камней ограды позднего памятника прямо над могильной ямой раннего сооружения, он может быть значительным.

Вне Тувы находки наконечников со скрытой втулкой и опущенными в виде шипов четырьмя гранями сравнительно немногочисленны. Наиболее близки аржанским экземплярам стрелы из комплекса кургана 61 Южного Тагискена. На основании набора из пяти однотипных стрел авторы предложили датировку для этого кургана не позже VI в. до н. э. (Итина, Яблонский 1997: 68, рис. 57). Другой комплекс наконечников этого могильника, найденный в кургане 53, помимо четырехгранных включал серию трехлопастных втульчатых наконечников. На основании набора стрел, а также находки длинного железного меча в ножнах с золотыми обкладками и бляшек с изображением льва в профиль и анфас он датирован исследователями Тагискена началом V в. до н. э. (Итина, Яблонский 1997: 69, рис. 43, 44). В более поздней работе Л. Т. Яблонский допускает для длинных мечей Приаралья более расширенную датировку в пределах второй половины VI — начала V в. до н. э. (2007: 138, 141).

Наконечники со скрытой втулкой и опущенными в виде шипов четырьмя гранями найдены в кургане 25 могильника Бешатыр в составе двух колчанов. К сожалению, есть только суммарное описание этого комплекса из 50 экземпляров стрел (Акишев, 1959: 205; Акишев, Кушаев 1963: 69–72, рис. 65), куда, помимо указанных, входили втульчатые трехлопастные, трехгранные и черешковые трехгранно-трехлопастные наконечники. Здесь же найдены два железных кинжала, у которых, судя по рисунку, были не бабочковидные, как указывает автор, а почковидные гарды. В разделе, посвященном хронологии наконечников стрел Семиречья, К. А. Акишев пишет, что четырехгранные наконечники стрел со скрытой втулкой появляются на этой территории в V в. до н. э., ничем не обосновывая свое утверждение (Акишев, Кушаев 1963: 120). Этим же временем им датирован исследованный в Бешатыре комплекс.

В курганах Южного Приуралья также известны единичные находки стрел рассматриваемого типа. Они происходят из комплексов, датированных К. Ф. Смирновым концом VI — началом V в. до н. э. (1961, рис. 39: 6; 1964, рис. 26: 3з–4). Так же им датируются памятники с похожими, но все же отличающимися в деталях наконечниками. Сечение их квадратное и шипы обычно равной величины (Смирнов, 1961, рис. 39: 3–5; 1964, рис. 21: 1а–14).

Самым западным комплексом, где встречены наконечники со скрытой втулкой, близкие по облику стрелам из Приуралья, является погребение 23 у пос. Комсомольский (Дворниченко и др. 1997: 134, 135, рис. 6: 40). Оно, как и расположенное рядом женское погребение 6, датируется второй половиной VI — началом V в. до н. э.

Комплексы, обнаруженные у пос. Комсомольский, важны тем, что имеют независимую от наконечников стрел датировку, обусловленную находкой зеркала ольвийского типа. Они позволяют скорректировать хронологию некоторых азиатских памятников. Заметим, что в публикации материалов принимается как нижняя дата таких зеркал VI в. до н. э. Сейчас появились материалы, позволяющие углубить ее до конца VII столетия до н. э. (Бандрицкий 2009: 30–38; Гуцал А., Гуцал В. 2009: 133). Авторы исследований у пос. Комсомольский отмечают, что в этих могилах преобладают предметы, связанные своим происхождением с восточным ареалом евразийских степей. При анализе находок они обращаются в том числе и к материалам Южного Тагискена, сопоставляя длинный меч из погребения 23 с упомянутыми мечами из курганов этого могильника. На основании погребального обряда памятников Восточного Приуралья ими допускается более ранняя датировка тагискенских комплексов. С этим можно согласиться, исключив из их даты V в. до н. э. и, может быть, расширив возможную нижнюю хронологическую границу до конца VII в. до н. э. На это указывают некоторые морфологические признаки мечей из Южного Тагискена. Меч из кургана 59 имеет почковидное перекрестие. В кургане 53 оно названо бабочковидным, однако здесь гарда закрыта золотой накладкой почковидной формы. Такие накладки на ножны обычно повторяют форму перекрестия оружия. Кроме того, меч из кургана 59 имеет трехчастную в сечении рукоять, характерную именно для клинкового оружия VII — первой половины VI в. до н. э. (Скрипкин 2007: 45). Отметим, впрочем, что последнее замечание сделано для предметов из западного ареала культур скифского типа. Тем не менее возможность более ранней датировки комплексов с длинными мечами из Южного Тагискена очень вероятна. Заметим, что курган 53 содержал захоронение в прямоугольной яме с дромосом. Авторы исследований отмечают, что такое устройство могил имели курганы, компактно сосредоточенные в южной группе некрополя (Итина, Яблонский 1997: 31). Могила в кургане 59, расположенного здесь же, хоть и устроена на горизонте, но тоже имела дромос, обозначенный рядами ямок. При этом три таких кургана (60, 61 и 66) отнесены к ранней группе (VII — середина VI в. до н. э.), а остальные — к поздней. Представляется, что само их расположение говорит об их хронологической близости. Для того чтобы окончательно в этом убедиться, необходимо рассмотреть остальные наконечники стрел колчаных наборов из этих могил, относящиеся к отделу трехлопастных втульчатых.

Общепризнано, что трехлопастные втульчатые наконечники стрел появляются позже двухлопастных стрел. В памятниках Приуралья они являются хронологическим показателем, позволяющим отделить ранние комплексы от более поздних. При этом все исследователи используют классификации К. Ф. Смирнова (1961) и А. И. Мелюковой (1964), однако в результате приходят к различным выводам. Так, О. А. Вишневская в своей классификации наконечников стрел из курганов Уйгарака считала возможным отнести к ранней группе

VII — первой половины VI вв. до н. э. колчаные наборы со стрелами отдела Б (трехлопастные втульчатые). Она имела в виду конец этого периода, однако сейчас, после удревнения комплекса Келермесского могильника, при датировке таких наборов нельзя исключать и конец VII столетия до н. э. Л. Т. Яблонский, рассматривая эту категорию находок, располагал гораздо большей базой для сравнительного анализа. Большинство типов трехлопастных втульчатых наконечников (отдел Г его классификации) им отнесено к периоду со второй половины VI по начало V в. до н. э. Кроме того, в недавно вышедших работах были обобщены все известные материалы с территории Приаралья (Яблонский 2006; 2007). В частности, комплекс наконечников стрел с городища Кюзели-Гыр, где представлены почти исключительно втульчатые трехлопастные экземпляры, сопоставляется Л. Т. Яблонским с колчанными наборами поздней группы Южного Тагискена.

Исследователи этого городища считают, что поселение здесь возникло на рубеже VII–VI вв. до н. э. (Вишневская, Раппопорт 1997: 171). Ими выделены строительные горизонты, ранний из которых закончился взятием города врагами (возможно, в результате завоеваний Кира II). Стены раннего горизонта отличаются от более поздних тем, что сложены из продолговатого кирпича, близкого по своему стандарту мавзолеям Северного Тагискена. Среди артефактов в инвентаре Кюзели-Гыра также есть аналогии этому памятнику эпохи поздней бронзы (Там же: 159, 165). Фрагменты псалиев, найденные на городище, относятся к уздечным комплектам с напускным способом соединения. Комплексы, где найдены псалии близкого типа — с боковыми отверстиями, смещенными к центральному, — известны в раннекочевнических могильниках Восточного Приаралья. Исследователи датируют их VII — серединой VI в. до н. э. (Вишневская 1973: 120, табл. XVI: 10, 11; Итина, Яблонский 1997: 68; рис. 27: 2). Поздний горизонт Кюзели-Гыра связывается с вхождением Хорезма в державу Ахеменидов. Считается, что прекращение жизни на городище произошло в результате изменения режима обводнения (Вайнберг 1991а: 129). Верхняя дата набора наконечников стрел из Кюзели-Гыра — начало V в. до н. э. — устанавливается на основании трехлопастных экземпляров с ромбовидно-лавролистной головкой (Вишневская, Раппопорт 1997: 163). Однако, учитывая тот факт, что распространяются они уже с конца VII в. до н. э. (Sulimirski 1954: 297; Медведская 1980: 30; Yačikli 2006: 282, tab. VI), очень вероятно их более ранняя датировка. Опираясь на работу К. Ф. Смирнова, И. Н. Медведская датирует обнаруженный на Кюзели-Гыре набор стрел в пределах VI в. до н. э., справедливо отмечая, что типы наконечников, систематизированные в этой классификации, зачастую почти не меняются в течение двух-трех веков (1972: 85, 86, 89).

Все исследователи единодушны в том, что набору стрел из Кюзели-Гыра предшествует на территории Хорезма стрелковый набор, обнаруженный на поселении Куюсай 2 (Вайнберг 1979: 19–22, табл. XII; 1991б: 83; Яблонский 1996: 51; 2006: 290; 2007: 137; Итина, Яблонский 1997: 71; Вишневская, Раппопорт 1997: 163). Отметим, что среди этой категории находок здесь отсутствуют типы стрел черешковой группы (за исключением одного сломанного экземпляра), но есть два двухлопастных наконечника и несколько стрел с ромбическим сечением. При этом наборы стрел из поселения Куюсай 2 и городища Кюзели-Гыр не совпадают практически полностью. Это может означать только

либо удревнение первого памятника, либо омоложение второго. Раннесакские стрелковые наборы из могильников Приаралья по своему составу занимают промежуточное положение. Некоторые из них, в составе которых преобладают двухлопастные формы, тяготеют к набору Куюся 2, некоторые, где присутствуют трехлопастные втульчатые наконечники — к набору Кюзели-Гыра.

Попытаемся проверить соотношение куюсайского и кюзелигырского комплексов, обратившись к основному поселенческому материалу — керамике. Исследователи фиксируют куюсайские формы посуды не только в могильниках Сакар-Чага (Яблонский 1996: 30), дата которых установлена в пределах конца VIII–VII в. до н. э. (Там же: 51), но и в комплексе Кюзели-Гыра (Вишневская, Раппопорт 1997: 160). В этом нет противоречия, так как и другие памятники свидетельствуют, что куюсайская и кюзелигырская культуры некоторое время сосуществуют. Но находки керамики кюзелигырского типа зафиксированы и в раннесакских комплексах Сакар-Чаги, что объясняется ее производством в Присарыкамышье до закладки стен городища (Яблонский 1996: 31). Подтверждение этому нашлось в материалах поселения Хумбузтепа, где исследован слой, содержащий керамический комплекс, типологически предшествующий Кюзели-Гыру. Нижняя дата, предложенная автором — середина VII в. до н. э. Генетически это поселение связано с южными областями Средней Азии и, прежде всего, с Маргианой (Болелов 2004: 50–53). Связи с этим регионом на основании находок станковой посуды отмечают и исследователи раннесакских могильников (Вишневская 1973: 78; Яблонский 1996: 30, 31). Как считают О. А. Вишневская и Ю. А. Раппопорт (1997: 171), Кюзели-Гыр и культура архаического Хорезма возникли на основе раннесакского компонента, находящегося в тесном контакте с земледельческими цивилизациями Маргианы. Керамические комплексы последней периода Яз-II и III являются опорными для установления нижней хронологической границы памятников более северных территорий. Между тем, сейчас исследователи склоняются к удревнению этих комплексов, по крайней мере, на полстолетия, хотя вопрос этот является предметом обсуждения (обзор лит.: Болелов 2004: 54). Если же верхняя дата Яз-II действительно не позже рубежа VIII–VII вв. до н. э. (Воробьева 1979: 39), то очевидно, что, по меньшей мере, нижняя хронологическая граница поселения Куюсай 2 также должна быть скорректирована в сторону удревнения. Тогда находит объяснение столь кардинальное отличие стрелковых наборов в двух памятниках низовьев Аму-Дарьи.

Очень вероятно, что в процессе формирования раннехорезмийского культурного комплекса участвовало и население Нижней Сырдарьи. Контакты с областями южных земледельческих цивилизаций, равно как и с Южным Приаралем, здесь восходят еще к эпохе поздней бронзы (Итина, Яблонский 2001: 102, 103). Материалы могильников раннесакского времени двух приаральских регионов при всем своеобразии и синкретизме обрядовых традиций очень близки, причем близость эта особенно заметна на раннем этапе их функционирования. Не являются исключением и стрелковые наборы. Колчан из кургана 53 Южного Тагискена, как уже отмечалось, по своему составу наиболее близок набору стрел из Кюзели-Гыра. Вероятно, его можно синхронизировать с началом постройки городского центра архаического Хорезма. Косвенно на это могут указывать так называемые шлаковые поселения и курганы, расположенные

в непосредственной близости от могильников Тагискен и Уйгарак. Собранные на них наконечники стрел по своим типам соответствуют кюзелигырскому набору. Материалы этих памятников датируются VII–V вв. до н. э. (скорее — VI в. до н. э.) и свидетельствуют, в том числе, о связях с Хорезмом ахеменидского времени (Левина 1979: 189). Возможно, учитывая расположенные рядом раннесакские некрополи, нижнюю дату «шлаковых» курганов следует ограничить самым концом VII или началом VI в. до н. э., т. е. синхронизировать их с поздней группой погребений могильника Южный Тагискен.

Итак, заканчивая рассмотрение хронологии памятников Приаралья, необходимое для уточнения даты стрелковых наборов, можно сделать несколько важных заключений. Во-первых, в целом приходится признать, что стрелковые наборы пока не позволяют уверенно отделить комплексы конца VII в. до н. э. от памятников начала следующего столетия. Во-вторых, наборы трехлопастных втульчатых стрел Кюзели-Гыра и поздней группы Южного Тагискена нет достаточных оснований датировать вплоть до начала V в. до н. э. и дату их следует ограничить всем VI в. до н. э. (не исключено, что некоторые датируются концом VII в. до н. э.).

Исходя из этого, вернемся к рассмотрению находок в Аржане-2. Здесь найдены две стрелы, которые могут быть сопоставлены со стрелковым набором Кюзели-Гыра и колчана из кургана 53 Южного Тагискена. Это трехлопастной втульчатый наконечник с остролистной головкой из могилы 26 (тип 1D1) и трехгранно-трехлопастной с треугольной головкой и длинной втулкой из колчана 1 могилы 25 (тип 1E1). Последний экземпляр уникален, так как имеет под основанием лопастей моделированные при отливке шипы. За исключением этой детали он напоминает стрелы типа VI-B по классификации К. Ф. Смирнова (1961: табл. IV: 35, 36, 88, 89), которые датируются им начиная с VI в. до н. э. Трехлопастной наконечник из могилы 26 имеет втулку, доходящую до острия. Этот признак считается ранним. Остролистая форма позволяет отличать такие стрелы от похожих типов ахеменидского времени, имеющих головку ромбовидных очертаний (Yařikli 2006: taf. 6, 7). Еще А. И. Мелюкова отмечала появление стрел с остролистной формой пера в скифских комплексах уже во второй половине VII в. до н. э. (1964: 19). Последние разработки, выполненные для серий наконечников, обнаруженных в памятниках на западной периферии степного мира, также указывают на достаточно раннее появление этого типа стрел с опорой на средневропейскую хронологическую шкалу. Исследователи констатируют наличие, наряду с двухлопастными, значительного процента трехлопастных наконечников с остролистной формой головки, найденных в слоях гибели гальштадских поселений периода *Ha C2/D1*. Во второй половине VII в. до н. э. они разрушены кочевниками, пришедшими, по-видимому, с территории Трансильвании (Hellmuth 2006: 57–60, 156, 157).

Группа черешковых наконечников, найденных в комплексах Аржана-2, подразделена на три отдела, которые включают восемь типов или вариантов. Если учитывать различные пропорции головок стрел, то вариантов могло бы быть и больше. Однако, как отмечалось выше, решающее значение для решения вопросов хронологии имеет разделение всей совокупности наконечников по сечению головки (т. е. на уровне отделов в предложенной классификации). Для этого, в отличие от многих классификаций этой категории вооружения,

был определен отдел трехгранно-трехлопастных стрел. В отнесении наконечников к этому отделу есть определенные сложности. В частности, они особенно наглядны, если сопоставить наконечники стрел типов 2А2 и 2В1б. Действительно, отличие трехгранно-трехлопастных экземпляров от стрел с выделенным или утяжеленным бойком бывает достаточно условным. За критерий выделения принят количественный показатель: если трехгранное окончание занимает около половины от всей длины головки, то такой экземпляр отнесен к отделу трехгранно-трехлопастных. Формы стрел с утяжеленным бойком, вероятно, могут считаться переходными от треххлопастных к трехгранно-трехлопастным, а они, в свою очередь, к трехгранным. Конечно, все эти стрелы сосуществуют, но процентное соотношение их в колчанном наборе возрастает в сторону увеличения «утяжеленных» экземпляров. В пользу такой эволюции этой категории вооружения говорит то, что до сих пор в колчанах алды-бельской культуры не найдено ни одного трехгранного черешкового наконечника, которые появляются в Туве, похоже, только в уюкско-саглыньских комплексах. Ранее было отмечено, что трехгранно-трехлопастные стрелы встречены, в основном, в сравнительно поздних алды-бельских комплексах (Чугунов 2000а: 229). Сейчас, после публикации новых материалов, этот вывод необходимо скорректировать, так как в колчане из могилы 3 кургана у Ийской лесной школы присутствует один наконечник типа 2В1 (Дэвлет 2004: 34, рис. 9: 8).

Еще одна тенденция, которую можно предположить в развитии черешковой группы стрел — постепенное увеличение количества наконечников со сводчатой формой головки. Для втульчатых стрел, как отмечалось выше, этот признак не столь существенен, так как форма здесь могла меняться в результате заточки, которая проводилась для каждой грани верхней части головки. Трехлопастные черешковые стрелы затачивались иначе — путем прижимания к абразиву сразу двух лопастей. Соответственно, оптимальным был треугольный абрис наконечника. Вероятно, не случайно сводчатую форму имеют в основном трехгранно-трехлопастные стрелы, призванные выполнять некую специальную задачу. Возможно, появление таких стрел связано с изменением защитного вооружения, и они применялись только для определенных целей.

В Аржане-2 трехгранно-трехлопастные стрелы найдены только в могиле 25, в колчане 1. Здесь же обнаружен и наиболее поздний наконечник втульчатой группы (тип 1Е1). Из девяти стрел колчана только один черешковый экземпляр типа 2А1а имеет соответствия в других комплексах памятника. Колчан 2, относящийся к предыдущему погребенному в этой могиле, содержал только втульчатые четырехгранные бронзовые стрелы типов 1С1 и 1С3, сопоставимые с наиболее ранними стрелковыми наборами кургана. Учитывая это, можно достаточно уверенно утверждать, что последнее захоронение в могиле 25 произведено значительно позднее всех остальных, когда в обиход вошли новые типы стрел. Это хорошо демонстрирует таблица 2, где все типы наконечников из этого погребения обособлены от остальных. Абсолютную датировку помещения в каменный ящик последнего погребенного определить, конечно, затруднительно, но думаю, что ее верхняя граница должна находиться в пределах первой половины VI в. до н. э., вероятно, в самом начале этого столетия.

Особого внимания заслуживает единственный черешковый наконечник из «клада» 2б, относящийся к очень редкому типу стрел. Он имеет четырехгранно-

лопастную головку с ромбическим в сечении острием. Похожие экземпляры происходят из набора стрел, найденного в очень необычных для Тувы захоронениях. Они опубликованы А. М. Мандельштамом (1992: табл. 72: 25, 26) и отличаются от аржанского треугольной формой головки. Автор дает суммарное описание двух подобных сооружений, которые датирует раннескифским временем. Под прямоугольной каменной выкладкой исследована ступенчатая яма, перекрытая несколькими слоями камышовых циновок. Скелеты лежали вытянуто на спине, головой на восток или северо-восток. Кроме того, «в головной части на уступе ямы находились в одном случае четыре черепа и кости нижних отделов ног лошадей, в другом — пять черепов козы» (Мандельштам 1992: 183). Судя по описанию, эти комплексы являются в Туве инокультурными и относятся к числу так называемых памятников коргантасского типа, выделенных для территории Казахстана (Пересветов 2006; Таиров 2006). Происхождение такой традиции погребального обряда следует рассматривать специально, с привлечением широкого круга материалов. На других территориях черешковые четырехгранно-лопастные наконечники стрел также очень редки. Они известны в памятниках ранних кочевников Южного Зауралья VII–VI вв. до н. э. (Таиров 2007: 178, рис. 2: 5) и встречены в одном из стрелковых наборов Уйгарака — в кургане 43, датированном VI в. до н. э. на основании втульчатых трехлопастных наконечников, преобладающих в колчане (Вишневская 1973: табл. XIII: 36–54). Однако отметим, что в этих могильниках головки четырехгранно-лопастных стрел имеют сводчатую форму и сечение бойка, близкое квадрату. При этом О. А. Вишневская считает, что такая форма является производной от более ранней двухлопастной черешковой (Вишневская 1973: 124). Думаю, с этим можно согласиться. Относительная хронология развития наконечников такого типа, возможно, находит отражение в степени близости головки стрелы к исходной форме. Отчетливый башневидный абрис экземпляра из «клада» 2б позволяет датировать тип 2С1 в пределах VII в. до н. э., не исключая, впрочем, и начало VI в. до н. э.

Последняя группа металлических наконечников стрел из Аржана-2 (зажимная) — представлена 27 железными экземплярами из могилы 5. Именно они украшены золотым и серебряным узором, подчеркивающим высокий социальный статус погребенного. Уникальность материала и декора затрудняет хронологическое определение стрел этой группы. Едва ли здесь можно применить те же критерии, которые предложены для черешковых и втульчатых наконечников. Трехгранность головки в данном случае, возможно, является следствием технологии изготовления из железа и обусловлена необходимостью наличия площадки для нанесения изображений.

Способ крепления в виде выступающих длинных «лапок» известен для бронзовых экземпляров, происходящих из алды-бельских памятников Тувы, но найденных также на территории Казахстана, Южного Зауралья, Приаралья и Памира (Чугунов 2000б: 165, 166; Иванов 2007: 64–69). Ближайшим аналогом этим изделиям являются бронзовые наконечники из могилы 5 кургана 2 могильника Сарыг-Булун (Семенов, Килуновская 1990: 43, рис. 4: 6, 8, 9; Чугунов 2000а: рис. 2: 5, 6). Их сближает не только зажимной способ насада, но и криволинейный орнамент на гранях. Как показано выше, этот комплекс является сравнительно поздним среди памятников раннескифского времени,

что подтверждается его стратиграфическим соотношением с курганом 1, а также наличием в колчане трехгранных втульчатых наконечников стрел.

В стрелковый набор из «царской» могилы Аржана-2 кроме зажимных стрел входили роговые пулевидные наконечники (тип II-1A1), а также изготовленные из железа стрелы типа 1C2. Особенностью колчана из основного захоронения является то, что в нем совершенно отсутствуют черешковые наконечники, чем он сближается с ранним набором из могилы 25 (хотя в последнем присутствуют роговые черешковые экземпляры). Несмотря на необычный материал, типологически все эти стрелы не выходят за пределы раннескифского времени и могут быть датированы VII–VI вв. до н. э.

Утверждение, что наконечники с зажимным насадом датируются в пределах VI–V вв. до н. э. (Иванов 2007: 68), возможно, справедливое для более западных территорий, не может быть принято для памятников Тувы. Оно опровергается всем остальным материалом комплексов, из которых они происходят. Кроме того, это утверждение основано на датировках, принятых в 60-х годах. Не исключено, что развитие такая группа стрел получила именно в рамках алды-бельской культуры, где до сих пор найдено наибольшее их число (Чугунов 2000б: 165). Возможно, они действительно связаны генетически, как предположил С. С. Иванов, с четырехгранными втульчатыми экземплярами с длинными шипами, которые количественно преобладают в комплексах Аржана-2. На это, в частности, указывают четырехгранные стрелы, недавно обнаруженные в этой же долине, в комплексе Чинге-Тэй I (раскопки автора 2009 г.), у которых от боковых граней опущены шипы (как у наконечников типа 1C1), а от среднего ребра — плоские «лапки». При этом, опубликованные Ю. С. Худяковым двухлопастные наконечники этой группы (1995: рис. V: 7, 8), найденные в китайской части долины р. Или, могут говорить о происхождении зажимного способа насада где-то в предгорьях Тянь-Шаня.

Категория роговых наконечников стрел представлена в Аржане-2 десятью черешковыми и четырьмя втульчатыми экземплярами. Последние относятся к отделу пулевидных и входят в состав трех колчанов. На основании формы окончания головки выделено два типа. Наконечники с приостренной головкой, найденные в могилах 5 и 20, отличаются размерами и очертаниями. Тем не менее выделение еще одного типа представляется преждевременным, так как стрела из основного погребения, возможно, изменила свои контуры вследствие плохой сохранности.

Аналогии пулевидным роговым наконечникам можно найти на очень широкой территории и в большом хронологическом диапазоне. Это объясняется их функциональным назначением: наряду с деревянными такие стрелы-томары применялись для охоты на пушного зверя. Пожалуй самые древние на сегодняшний день экземпляры найдены в памятниках елунинской культуры эпохи ранней бронзы (Киришин, Грушин, Тишкин 2002: 24, рис. 6: 13, 14). В комплексах эпохи ранних кочевников можно обозначить некоторые тенденции, касающиеся употребления наконечников этой формы. Наиболее ранние наборы стрел имеют в своем составе не только роговые пулевидные экземпляры, но и бронзовые (Аржан-1; Тоора-Хем, вторая поляна, курган 2; Сакар-Чага 6, курганы 12, 20 и 23). Как правило, все они имеют приостренную головку и более или менее вытянутые пропорции. Пулевидный наконечник из основного

погребения Аржана-2 демонстрирует в этом ряду среднюю длину. В ограбленной центральной могиле кургана 1 могильника Сарыг-Булун найдены два роговых наконечника (Семенов, Килуновская 1990: рис. 2: 18, 19), совершенно аналогичных и по длине головки, и по ее абрису коротким пулевидным стрелам из могилы 20 Аржана-2. На территории Алтая похожие экземпляры найдены в комплексе кургана 82 могильника Боротал-1, датированного V в. до н. э. (Кубарев, Шульга: 2007: 96, рис. 37: 15). Хронологическое определение этого памятника не вызывает возражений и основано на не зависящих от наконечников стрел данных. Соответственно, бытование стрел такой формы на Алтае еще в V в. до н. э. определяет верхнюю датировку этого типа. Наконечник со сферической головкой из колчана 1 могилы 25 не находит точных аналогий ни в Туве ни за ее пределами. Возможно, это связано со сравнительно поздним хронологическим положением этого комплекса в рамках всего материала памятника, на что указывают и другие типы наконечников стрел колчана 1. Стрелковые наборы уюкско-саглынской культуры Тувы, как правило, не содержат роговых пулевидных стрел, которые, вероятно, в конце VI в. до н. э. выходят из употребления, полностью сменившись деревянными томарами. Единственное, известное мне исключение — комплекс кургана 18 могильника Темирсуг I, где в составе колчана найдены два таких наконечника и одна цельнодеревянная стрела. Материалы надежно датируются серединой VI в. до н. э. на основании уздечного комплекта редкого типа. Но погребальный обряд этой могилы отличается от канонов уюкско-саглынской культуры и близок к захоронениям «коргантасского типа», т. е. инокультурное в Туве (Кушакова, Чугунов 2010).

Черешковые наконечники стрел из рога найдены в трех могилах Аржана-2. Проблемы хронологического определения этих находок отмечают многие исследователи. Они связаны прежде всего с особенностями рога или кости как материала и чрезвычайной вариабельностью пропорций изделий, обусловленных размером заготовки и искусностью резчика. Несмотря на эти обстоятельства, следует согласиться, что определенные тенденции в развитии форм роговых черешковых стрел применительно к памятникам скифского времени все же можно установить (Шульга 2002: 52–57). На материалах VII–VI вв. до н. э. из комплексов лесостепного и горного Алтая с привлечением находок из Тувы П. И. Шульга пришел к заключению, что древние мастера при изготовлении наконечников из кости и рога стремились добиться их подобия в силуэте с бронзовыми (2002: 53). Представляется, это едва ли может соответствовать действительности, так как трехгранные бронзовые экземпляры в это время еще не получили широкого распространения, а копирование металлических прототипов в кости (равно как и наоборот) обычно приводило к достаточно точному воспроизведению формы. Последнее хорошо иллюстрируется находками бронзовых и роговых втульчатых четырехгранных наконечников (например, ср.: Шульга 2002: рис. 4: 7, 28). Тем не менее исследователю удалось выявить некоторые закономерности развития формы черешковых роговых стрел, которые он сформулировал в совместной с В. Д. Кубаревым монографии. В частности, П. И. Шульга считает, что во второй половине VII в. до н. э. «складываются получающие наиболее широкое распространение в первой половине VI в. до н. э. на Алтае и в Туве несколько основных типов роговых наконечников: черешковые трехгранные с башневидной (в том числе

приталенной⁶) и остроугольной головкой» (Кубарев, Шульга 2007: 93). Судя по приведенным в статье 2002 г. рисункам, к остроугольным автор относит наконечники, форма головки которых все же имеет некоторую сводчатость, хотя и менее выраженную по сравнению с более поздними экземплярами. Набор стрел из впускной могилы 7 включает такой наконечник (тип II-2A2), при том что все остальные — более или менее башневидные. Четырехгранные стрелы (тип II-2B1) с одним шипом в основании встречены в двух комплексах, что говорит о устойчивости традиции этой формы. Кроме того, наличие наконечника этого типа во впускном погребении 7 является дополнительным аргументом по синхронизации этого комплекса с остальными материалами кургана. Похожий, также четырехгранный экземпляр с одним шипом в основании головки обнаружен в могильнике Чесноково-1 на Алтае вместе с уздечным набором, включающим трехдырчатые псалии (Шульга 2002: рис. 1: 7). Среди костей погребенного в могиле 24 Аржана-2 найден наконечник ярко выраженной башневидной формы. Второй плоский сводчатый экземпляр, обнаруженный в этом погребении, уникален для Тувы. Во всяком случае, плоские роговые стрелы, известные в уюско-саглыньских комплексах начиная с IV в. до н. э., имеют совсем другую форму. Ближайшей территорией, где бытовали такие наконечники, является ареал тагарской культуры. В классификации А. М. Кулемзина это тип 18, один из распространенных в памятниках подгорновского этапа (1976: 36, рис. 7: 18). Следовательно, согласно современным представлениям о хронологии этой культуры, такие стрелы могут датироваться начиная с VIII в. до н. э.

Подводя итог анализу этой категории вооружения, можно заключить, что все имеющие аналогии наконечники стрел из кургана Аржан-2 могут быть датированы в пределах VIII–VI вв. до н. э. Отдельные долго живущие типы встречаются в ранних уюско-саглыньских комплексах конца VI–V в. до н. э., но при этом могут иметь более раннюю начальную дату. Обобщая выявленные тенденции развития форм наконечников стрел, необходимо оговориться, что новые материалы могут внести коррективы в эти построения. Эволюция стрел, относящихся к отделам *B* как первой, так и второй групп предложенной классификации, восходит к отделам *A*. Появление четырехгранно-двухлопастных втульчатых и трехгранно-трехлопастных наконечников фиксируется уже в памятниках VII в. до н. э., при этом втульчатые экземпляры не получили широкого распространения, так как, вероятно, были вытеснены четырехгранными стрелами со скрытой втулкой. Количество черешковых стрел отдела *B* в наборах, напротив, постепенно увеличивается. Очертания пера у этих стрел, как правило, сводчатые. Вероятно, этот признак для трехлопастных и трехгранно-трехлопастных черешковых наконечников можно считать сравнительно поздним в пределах раннескифского времени, а для четырехгранных стрел со скрытой втулкой он не имеет выраженного хронологического значения. Для этих наконечников ранним признаком выступает ромбовидность очертаний пера, при этом рельеф на гранях может рассматриваться как рудиментарные элементы, восходящие к двухлопастным и четырехгранно-двухлопастным формам. Заметим, что анализ состава колчаных наборов, ранее обнаруженных в алды-бельских курганах, показал, что для поздних комплексов характерно

⁶ Под «приталенной» головкой понимается сужение в нижней ее части при дальнейшем отгибе и переходе граней в шипы у основания (Шульга 2002: 53).

присутствие трехгранных форм наконечников со скрытой втулкой (Чугунов 2000а: 223), не найденных в Аржане-2.

Однако нельзя забывать, что наконечники стрел происходят в основном из мужских захоронений Аржана-2 и не объединяют все комплексы памятника. Для верификации определенной выше последовательности устройства погребальных сооружений необходимо рассмотреть еще одну категорию находок, а именно ножи.

На памятнике найдена большая серия ножей — 18 экземпляров (рис. 33). Они присутствовали у каждого взрослого погребенного (за исключением безынвентарного захоронения 24), а в основной могиле у мужчины и женщины вместе с акинаком и кинжалом в ножнах лежало по два железных ножа. Еще один нож из железа найден в могиле 22. Остальные предметы этой категории находок выполнены из бронзы.

Все ножи — однолезвийные, пластинчатые и, согласно наиболее распространенной классификации С. В. Киселева (1951: 119), относятся к разрядам дугообразнообушковых и прямых. Учитывая то, что практически все предметы по каким-либо параметрам индивидуальны, построение дробной типологии их в данном случае едва ли целесообразно. При рассмотрении изделий из единого, пусть и несколько растянутого во времени, комплекса представляется более правильным не столько рассмотреть эту категорию находок с позиций их формальной классификации, сколько выявить специфический для этого комплекса набор признаков. Тем не менее, необходимо дать описание ножей и, для удобства сопоставлений, разделить имеющуюся серию на условные группы.

За основу такой группировки взят важнейший компонент морфологического описания изделий этой категории — оформление рукояти ножа и ее навершия. По этому признаку всю коллекцию из Аржана-2 можно разделить на несколько групп:

1. Ножи с навершием в виде кольца (все четыре ножа из мог. 5 и нож из мог. 22 с сердцевидным кольцом) — рис. 33: 1–5.
2. Ножи с трапециевидно расширяющейся кверху рукоятью и различным оформлением навершия (нож ск. 2 из мог. 13а с приклепанными вертикальными петлями со вставленными в них двухзвенными цепочками с фигурками птичек на концах; нож ск. 1 из мог. 14 с отверстием у окончания рукояти; нож 1 из мог. 25 с треугольной прорезью и навершием в виде дуговидной пластины с петлей под ней; нож из мог. 26 с ажурным литым орнаментом на рукояти в виде чередующихся треугольных отверстий, образующих горизонтальный зигзаг) — рис. 33: 6–9.
3. Нож с выступающим с одной стороны плоскости рукояти прямым брусковидным навершием и двумя запятовидными отверстиями под ним (нож ск. 2 из мог. 14) — рис. 33: 10.
4. Ножи с приостренным окончанием рукояти (сильно корродированный нож из мог. 13б; нож ск. 1 из мог. 20, нож 2 из мог. 25 с горизонтальным рифленным выступом на одной из сторон рукояти) — рис. 33: 11–13.
5. Ножи с округлым окончанием рукояти (ножи из мог. 7, из мог. 8 с горизонтальным выступом на одной из сторон рукояти, из мог. 12 с отверстием у окончания рукояти, нож ск. 1 из мог. 13а с горизонтальной петлей на одной из сторон рукояти, нож ск. 2 из мог. 20) — рис. 33: 14–18.

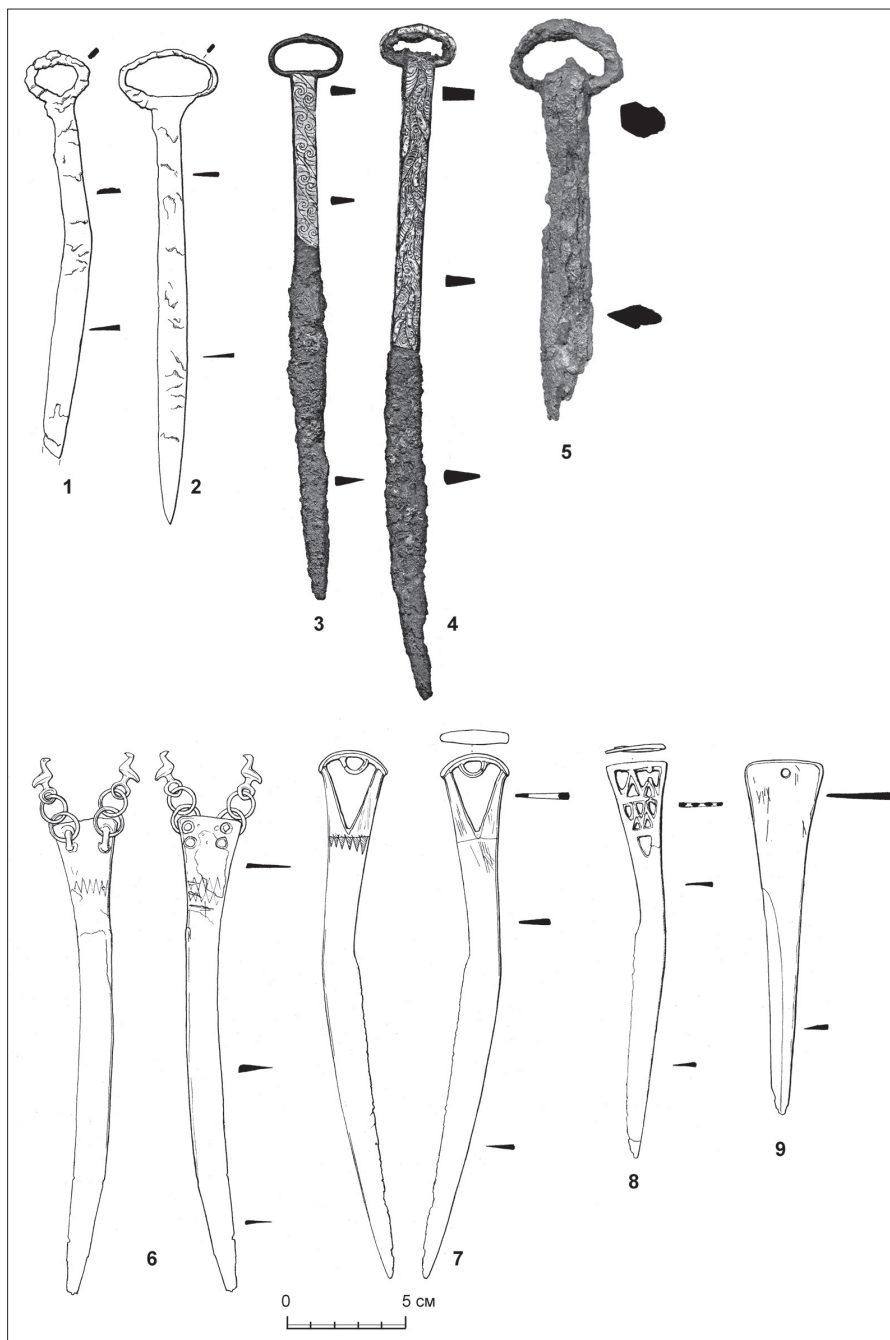

Рис. 33. Ножи из комплексов кургана Аржан-2.

Fig. 33. Knives from Arzhan 2 complexes.

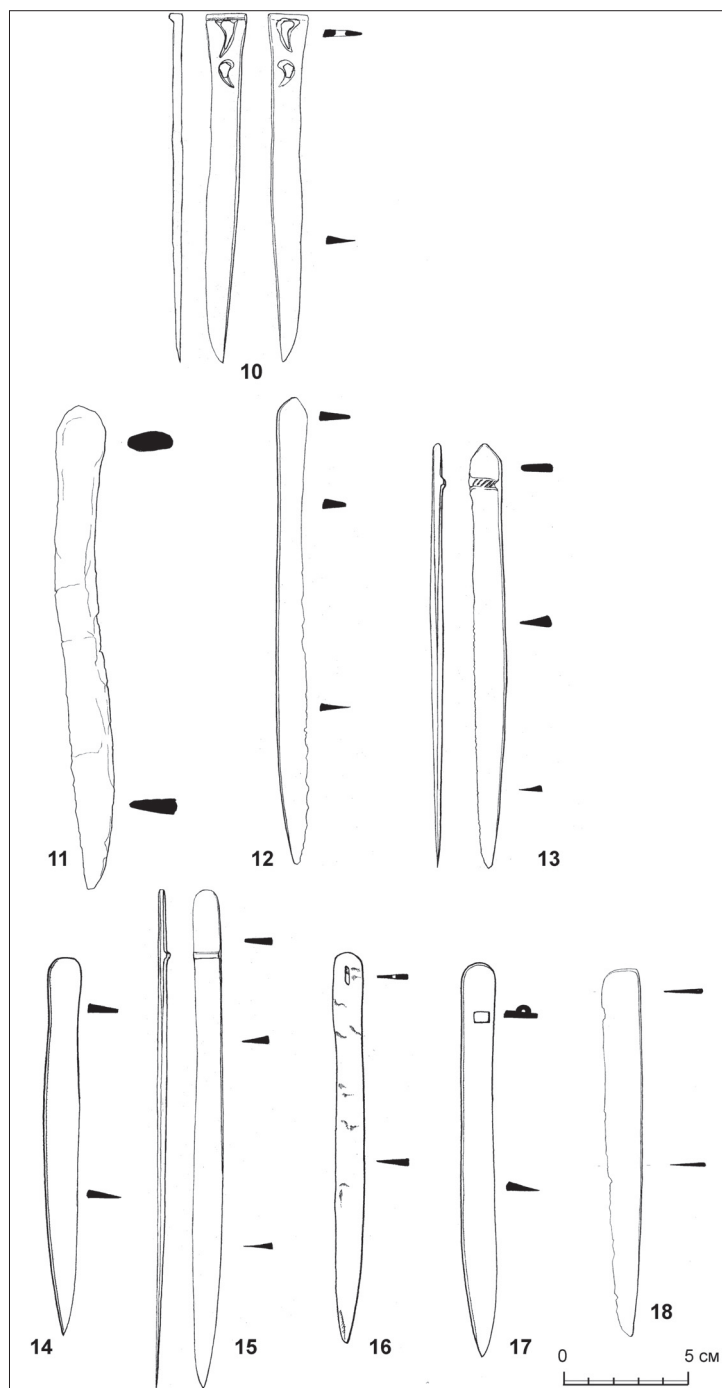

Рис. 33. Продолжение.

В рамках синхронных по всем показателям комплексов с парными захоронениями объединяются ножи из могилы 5, относящиеся к группе 1 (рис. 33: 1–4); ножи из могилы 14, относящиеся к группам 2 и 3 (рис. 33: 9, 10); ножи из могилы 13а, относящиеся к группам 2 и 5 (рис. 33: 6, 17). Показательно, что в сопроводительных погребениях встречены разнотипные изделия. Это говорит о хронологической близости почти всех выделенных групп. Но если обратиться к комплексам с выявленной внутренней последовательностью, то выделяется ранняя группа ножей — группа 4. Прямые пластинчатые ножи с приостренным окончанием рукояти найдены в раннем отсеке «б» могилы 13 (рис. 33: 11) и у первого захороненного мужчины в могиле 20 (рис. 33: 12). Нож, обнаруженный среди раннего набора стрел на дне могилы 25 (рис. 33: 13), также попадает в эту группу, хотя и имеет особенность, объединяющую его с изделиями из группы 5 — горизонтальный выступ на одной из сторон рукояти.

Следовательно, можно заключить, что дискретность комплекса Аржана-2 фиксируется и на основании анализа этой категории находок. Однако если обратиться к выявленной на основании состава колчаных наборов поздней составляющей памятника, то можно констатировать незначительный разрыв во времени между захоронениями под первичным наземным сооружением кургана и могилами, сооруженными у кромлеха. Ножи, найденные в могилах 14, 22, 25 (нож 1) и 26, находят соответствия в первоначальных погребениях Аржана-2. Это подтверждается и другими находками. В частности, у последнего захороненного в могиле 25 мужчины найдена золотая серьга с конусом, покрытым зернью, аналогичная обнаруженным в других комплексах памятника.

Эти украшения, вероятно, не столь быстро изменялись, как ножи. Тем не менее, если учесть все предыдущие наблюдения, определенные предположения можно сделать и при рассмотрении этой категории находок. Так, железный нож из могилы 22 (рис. 33: 5) соответствует изделиям из основного погребения. В этом богатом женском захоронении найдена серьга с конусом и надетой на кольцо костяной муфтой (рис. 34). Серьги с такими дополнительными муфтами украшали женщину из «царского» захоронения (рис. 35), что «приближает» этот комплекс, не имеющий четкой стратиграфической привязки, к раннему этапу функционирования памятника. Вероятность такого хронологического определения достаточно высока. Особенно показательно, что могилы 22 и 25 расположены почти симметрично относительно всех выявленных конструкций для первого этапа строительства кургана (рис. 2).

Итак, предложенная реконструкция этапов функционирования памятника, дополненная анализом серийных наборов наконечников стрел и ножей, позволяет представить относительную хронологию отдельных могил и других составляющих погребально-поминального комплекса Аржан-2 в форме таблицы (табл. 3).

Все сделанные выше наблюдения демонстрируют поэтапное формирование погребально-поминального комплекса Аржан-2. Выявление тенденций развития и трансформации форм различных категорий предметов очень перспективно, так как в дальнейшем может привести к построению подробной относительной хронологии алды-бельской культуры Тувы. Анализ материалов из стратиграфически взаимосвязанных комплексов Аржана-2 — только начало этой

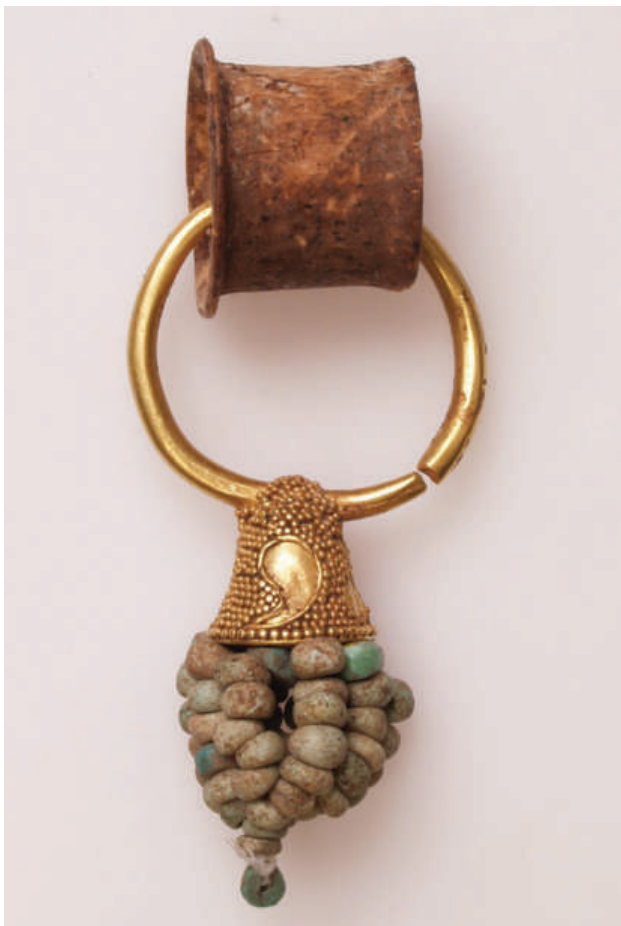

Рис. 34. Золотая серьга с костяной муфтой из могилы 22.

Fig. 34. Golden earring with bone muff from tomb 22.

Рис. 35. Золотая серьга с золотой муфтой из могилы 5. Фото В. С. Теребенина.

Fig. 35. Golden earring with muff from tomb 5. Photo by V. S. Terebenin.

работы. В то же время, параллели и аналогии материалам элитного тувинского кургана, приведенные из памятников соседних и отдаленных регионов, показывают, что проблема синхронизации древностей Южной Сибири, Центральной и Средней Азии, других территорий по-прежнему актуальна. Зачастую вопросы хронологии какого-либо региона, имеющего свою периодизацию, могут быть существенно скорректированы привлечением для их решения материалов извне. Замечу, что именно этот процесс происходит сейчас с хронологией тагарской культуры (Хаврин 2005: 97; Чугунов 2005в: 102–104). Серия ножей из Аржана-2, отнесенная к группе 2 и имеющая многочисленные аналогии в материалах сарагашенского этапа, — еще одно подтверждение необходимости пересмотра абсолютной хронологии тагарских древностей.

Таблица 3

Относительная хронология сооружений погребального комплекса Аржан-2

Этап строительства и функционирования памятника	Отдельные погребальные и ритуальные комплексы, другие находки
Время до сооружения памятника	Материалы из культурного слоя под памятником; большинство изображений на плитах из наземного сооружения
Время постройки первоначальных конструкций кургана	Колода с захоронением младенца за срубом в могиле 5; возможно — погребение в могиле 24
Время «царских» похорон	Основное парное захоронение в могиле 5, украшения в могиле 2; вероятно — захоронения в могиле 13б и в могиле 20 (скелет 1); в могилах между стеной и оградой 22 и 25 (первичное); «клад»-приношение 1; некоторые фрагменты сосудов, собранные среди каменных «столов»; возможно — «клады»-приношения 2б, 3 и 4; керамические сосуды в кромлехе
Время до возведения первичного каменного сооружения	Захоронения в могиле 13а и скелета 2 в могиле 20; могила 12 (после 13а)
Время постройки первичного каменного сооружения	Захоронение младенца в могиле 11; возможно — захоронение в могилах 14 и 26; оленные камни 1/01 и 1/02
Время после постройки первичного каменного сооружения	Захоронения в могилах 7 и 8
Время постройки окончательного каменного сооружения	Захоронение лошадей в могиле 16
Время после постройки окончательного каменного сооружения	Захоронение в могиле 25 (вторичное); оплавленные бронзовые и золотые изделия из больших кольцевых оград; возможно — «клад»-приношение 2а

Абсолютная хронология погребально-поминального комплекса Аржан-2 сейчас определена в рамках второй половины VII в. до н. э. Такая датировка подтверждена большой серией радиоуглеродных анализов, некоторые из которых статистически обработаны, так как получены по дендрохронологическим образцам (Алексеев и др. 2005: 84–88, 134–136; Zajceva et al. 2010: 169–175). Однако эта позиция памятника на хронологической шкале устанавливается не только при помощи радиоуглеродного датирования образцов, но и археологическими методами. Часть такого анализа демонстрирует эта работа. Она показывает, что возможность датировки самым началом следующего столетия не исключена лишь для самого позднего захоронения в могиле 25. Между

тем, обилие разнообразного материала и высокохудожественных изделий, найденных впервые в закрытом комплексе, вызывает у ряда специалистов возражения в отношении такой даты (Кузьмин 2008: 84). Действительно, если рассматривать комплекс Аржана-2 не в целом, а выбирать для сравнения с материалами Среднего Енисея какие-то его составляющие — например, те же ножи сарагашенского облика, — то такая датировка не укладывается в традиционную хронологию тагарской культуры. Что касается стилистики произведений искусства, то на основании находок в более поздних памятниках похожих изображений хронологические построения невозможны. Для того чтобы такие построения были оправданы, необходим анализ этого пласта древностей, причем не только археологический и искусствоведческий, но и технологический. Эта работа по сути только начинается, но уже сейчас можно сказать, что искусство Аржана-2 находится в рамках традиций раннескифского времени (Чугунов 2008б: 98–101). Думаю, что выход монографии, где дан сравнительный анализ комплекса памятника не только с синхронным и более ранним пластами древностей Тувы, но и с памятниками последующей уюкско-саглынской культуры (Сигуров et al. 2010: 166–168), снимет многие вопросы. Что касается хронологии тагарской культуры, новые исследования, не зависящие от материалов Аржана-2 и основанные на изучении курганной архитектуры, приводят к совершенно новому пониманию развития этого яркого культурного образования (Акулов, Паульс 2008: 5–8).

Сколько времени мог функционировать комплекс? Представляется правомерным предположить, что в пределах одного поколения, т. е. в течение 25 лет. Нельзя исключить, конечно, что какие-то действия могли совершаться и позже, в рамках обрядов поклонения далеким предкам. Но все же можно утверждать, что большинство материалов памятника должно быть датировано последней четвертью VII в. до н. э. Такая узкая дата позволяет считать Аржан-2 одним из опорных комплексов в хронологии древностей раннескифского времени степей Евразии.

Литература

- Абдулганеев М. Т. 1991. Бийский этап (хронологические рамки и содержание понятия) // А. С. Суразаков (ред.). Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск: б. и. 91–105.
- Акишев К. А. 1959. Саки Семиречья (По материалам Илийской экспедиции 1954, 1957 гг.) // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР 7. 204–209.
- Акишев К. А., Кушаев Г. А. 1963. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР.
- Акулов А. Г., Паульс Е. Д. 2008. К изучению тагарской курганной архитектуры // А. П. Деревянко, Н. А. Макаров (ред.). Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М.: ИА РАН. 5–8.
- Алексеев А. Ю. 2008. «Старшие» келермесские курганы // А. П. Деревянко, Н. А. Макаров (ред.). Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М.: ИА РАН. 9–10.
- Алексеев А. Ю., Боковенко Н. А., Васильев С. С., Дергачев В. А., Зайцева Г. И., Ковалюх Н. Н., Кук Г., Плихт Й., Посснерт Г., Семенцов А. А., Скотт Е. М., Чугунов К. В. 2005. Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб.: Теза.

- Бандрицкий Н. С.* 2009. Коцюбинчики-2 — новый памятник эпохи скифской архаики в Среднем Поднестровье (предварительное сообщение) // В. Ю. Зуев (ред.). Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. СПб: Нестор-История. 30–38.
- Болелов С.* 2004. К вопросу о периодизации раннего этапа истории древнего Хорезма // А. Саидов (ред.). Transoxiana. Ташкент. 48–55.
- Вайнберг Б. И.* 1979. Памятники куюсайской культуры // С. П. Толстов (ред.). Кочевники на границах Хорезма. (ТХАЭЭ XI). М.: Наука. 7–52.
- Вайнберг Б. И.* 1991а. Древняя история обводнения Присарыкамышской дельты Амударьи в свете археологических работ последних десятилетий // Аральский кризис. Историко-географическая ретроспектива. М. 123–141.
- Вайнберг Б. И.* 1991б. Изучение памятников Присарыкамышской дельты Амударьи в 70–80-х годах // Б. И. Вайнберг (ред.). Скотоводы и земледельцы Левобережного Хорезма. Древность и средневековье. М.: Ин-т этнологии АН СССР. 5–109.
- Вальчак С. Б.* 2008. Классификация и состав предскифских комплексов с наборами тягловой упряжи // Проблемы современной археологии. М.: Таус. 125–139.
- Виноградов А. В.* 1980. Памятник алды-бельской культуры в Туве // А. П. Окладников (ред.). Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл. 60–64.
- Вишневская О. А.* 1973. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. по материалам Уйгарака. (ТХАЭЭ VIII). М.: Наука.
- Вишневская О. А., Раппопорт Ю. А.* 1997. Городище Кюзели-Гыр. К вопросу о раннем этапе истории Хорезма // ВДИ 2 150–173.
- Воробьева М. Г.* 1979. Проблема «Большого Хорезма» и археология // Б. А. Литвинский (ред.). Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука. 39–41.
- Галанина Л. К.* 1997. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М.: Полиграф.
- Горбунова Н. Г.* 2001. Конская упряжь ранних саков Центральной Азии (Средняя Азия и Казахстан, кроме Западного) // А. В. Седова (ред.). Древние цивилизации Евразии. История и культура. М.: Восточная литература. 179–197.
- Грязнов М. П.* 1980. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука.
- Гуцал А. Ф., Гуцал В. А.* 2009. Курганный комплекс с бронзовым дзеркалом из Шутновець // С. С. Бессонова (ред.). Эпоха раннего железа. Киев, Полтава: Институт археологии НАН Украины. 125–134.
- Дворниченко В. В., Плахов В. В., Очир-Горяева М. А.* 1997. Погребения ранних кочевников из Нижнего Поволжья // РА 3. 127–141.
- Дэвлет М. А.* 1971. Археологические раскопки в Тодже в 1970 г. // УЗ ТНИИЯЛИ 15. 250–263.
- Дэвлет М. А.* 1975. Памятники «скифского» времени в северо-восточной Туве // А. М. Мандельштам (ред.). Первобытная археология Сибири. Л.: Наука. 119–127.
- Дэвлет М. А.* 2004. Об изображении серег на оленных камнях и реальном прототипе из раскопок в Тодже // А. Н. Гей (ред.). Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М.: ИА РАН. 22–50.
- Иванов С. С.* 2007. К вопросу о зажимных бронзовых наконечниках стрел // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана 2. 64–70.
- Исмагилов Р. Б.* 1988. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // АСГЭ 29. 29–47.
- Итина М. А., Яблонский Л. Т.* 1997. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: РОССПЭН.
- Итина М. А., Яблонский Л. Т.* 2001. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. М.: Восточная литература.
- Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А.* 1997. Скифская эпоха Горного Алтая. I. Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та.

- Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П., Тишкин А. А. 2002. Опыт классификации наконечников стрел эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья // В. В. Горбунов, А. А. Тишкин (ред.). Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та. 16–32.
- Киселев С. В. 1951. Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Наука.
- Кубарев В. Д., Шульга П. И. 2007. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та.
- Кузьмин Н. Ю. 2008. Возможности корреляции радиоуглеродных и археологических дат памятников скифского и гунно-сарматского времени Саяно-Алтая // АЭАЕ 3. 78–87.
- Кулемзин А. М. 1976. Тагарские костяные наконечники стрел // Известия лаборатории археологических исследований Кемеровского университета 7. 30–41.
- Курочкин Г. П., Субботин А. В. 1993. Боевые чеканы (клевцы) с головкой хищной птицы между бойком и втулкой в азиатской и европейской частях скифского мира (к проблеме происхождения и распространения) // Б. А. Раев (ред.). Античная цивилизация и варварский мир. Т. 2. Новочеркасск. 59–64.
- Кушакова Н. А., Чугунов К. В. 2010. Погребальный комплекс с черепами животных в Центральной Туве // А. Д. Цыбиктаров (ред.). Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ: изд-во Бурятского ун-та. 148–156.
- Кызласов Л. Р. 1979. Древняя Тува (от палеолита до IX века). М.: Изд-во МГУ.
- Левина Л. М. 1979. Поселения VII — V вв. до н. э. и «шлаковые» курганы южных районов Сырдарьинской дельты // С. П. Толстов (ред.). Кочевники на границах Хорезма. (ТХАЭЭ, XI). М.: Наука. 178–190.
- Лохов К. И., Бережная Н. Г., Матуков Д. И., Боковенко Н. А., Зайцева Г. И., Чугунов К. В., Скотт Е. М. 2007. Изотопный состав стронция в костях из древних захоронений Саяно-Алтая как индикатор места проживания и миграции // Г. И. Зайцева, М. А. Кушакова (ред.). Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб.: ИИМК РАН. 263–273.
- Мандельштам А. М. 1983. Исследования на могильном поле Аймырлыг (Некоторые итоги и перспективы) // В. М. Массон (ред.). Древние культуры евразийских степей по материалам археологических работ на новостройках. Л.: Наука. 25–33.
- Мандельштам А. М. 1992. Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // М. Г. Мошкова (ред.). Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.: Наука. 178–196.
- Медведская И. Н. 1972. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана // СА 3. 76–89.
- Медведская И. Н. 1980. Металлические наконечники стрел Переднего Востока и евразийских степей II — первой половины I тыс. до н. э. // СА 4. 23–37.
- Мелюкова А. И. 1964. Вооружение скифов. (САИ, Д 1–4). М.: Наука.
- Мыглан В. О., Слюсаренко И. Ю., Ойдупаа О. Ч., Гаркуша Ю. Н. 2006. Царский курган Аржан-2 в Туве: дендрохронологический аспект // АЭАЕ 4. 130–138.
- Пересветов Г. Ю. 2006. К вопросу о появлении в Северо-Восточном Казахстане памятников «коргантасского типа» // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья 2. 200–207.
- Полторацкая В. Н. 1966. Памятники эпохи ранних кочевников в Туве: по раскопкам С. А. Теплоухова // АСГЭ 8. 78–102.
- Семенов Вл. А., Килуновская М. Е. 1990. Новые памятники раннего железного века в Туве. ИБ МАИКЦА 17. 36–47.
- Скрипкин А. С. 2007. Клинковое оружие ранних кочевников Нижнего Поволжья VII–IV вв. до н. э. (проблемы хронологии) // Л. Т. Яблонский, А. Д. Таиров (ред.). Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск: Изд-во Южноуральского ун-та. 38–50.
- Смирнов К. Ф. 1961. Вооружение савроматов. (МИА 101). М.: Наука.
- Смирнов К. Ф. 1964. Савроматы (Ранняя история и культура сарматов). М.: Наука.

- Таиров А. Д. 2006. Памятники «коргантасского типа»: взгляд со стороны // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья 2. 182–199.
- Таиров А. Д. 2007. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. Челябинск: Изд-во Южноуральского ун-та.
- Хаврин С. В. 2005. Спектральный анализ бронзовых изделий скифского времени Саяно-Алтая и проблемы хронологии тагарской культуры // Г. Г. Король (ред.). Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск: РИО КГПУ им В. П. Астафьева. 96–98.
- Худяков Ю. С. 1995. Вооружение кочевников Восточного Туркестана в бронзовом и раннем железном веках // А. М. Илюшин (ред.). Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: Кузбассвуиздат. 5–25.
- Чугунов К. В. 2000а. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы // А. Б. Никитин, С. В. Панкова, С. В. Хаврин, К. В. Чугунов (ред.). Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб.: Петро-Риф. 213–238.
- Чугунов К. В. 2000б. К вопросу о формировании колчанного набора в восточных регионах скифского мира // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая 9. 165–168.
- Чугунов К. В. 2004. Исследования на погребально-поминальном комплексе Аржан-2 в Туве // Ю. Ю. Пиотровский (ред.). Археологические экспедиции за 2003 год. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 15–24.
- Чугунов К. В. 2005а. Последний год раскопок погребально-поминального комплекса Аржан-2 в Туве // Ю. Ю. Пиотровский (ред.). Археологические экспедиции за 2004 год. Сборник докладов. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа. 58–65.
- Чугунов К. В. 2005б. Уздечные комплекты алды-бельской культуры в контексте развития конского снаряжения // А. А. Тишкин (ред.). Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та. 103–108.
- Чугунов К. В. 2005в. Абсолютная хронология тагарской культуры — взгляд извне // Г. Г. Король (ред.). Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск: РИО КГПУ им В. П. Астафьева. 102–104.
- Чугунов К. В., Наглер А., Парцингер Г. 2006. Аржан-2: материалы эпохи бронзы // Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский (ред.). Окуневский сборник 2: культура и ее окружение. СПб. 303–311.
- Чугунов К. В. 2008а. Плиты с петроглифами в комплексе кургана Аржан-2 (к хронологии аржано-майэмирского стиля) // Д. Г. Савинов (ред.). Тропой тысячелетий: К юбилею М. А. Дэвлет. Кемерово: Кузбассвуиздат. 53–69.
- Чугунов К. В. 2008б. Некоторые особенности искусства кургана Аржан 2 // А. П. Дервянко, Н. А. Макаров (ред.). Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М.: ИА РАН. 98–101.
- Шульга П. И. 2002. Ранние костяные наконечники стрел из курганов скифского времени на Алтае // В. В. Горбунов, А. А. Тишкин (ред.). Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та. 43–61.
- Яблонский Л. Т. 1996. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М.: ИА РАН.
- Яблонский Л. Т. 2006. Материалы для классификации наконечников стрел раннесакского типа (по находкам в Южном Приаралье) // В. Г. Петренко, Л. Т. Яблонский (ред.). Древности скифской эпохи. М.: ИА РАН. 277–296.
- Яблонский Л. Т. 2007. Оружие ранних саксов Приаралья // Л. Т. Яблонский, А. Д. Таиров (ред.). Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск: Изд-во Южноуральского ун-та. 134–141.
- Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. 2003. Der skythishe Fürstengrabhügel von Aržan 2 in Tuva. Vorbericht der russisch-deutschen Ausgrabungen 2000–2002 // Eurasia Antiqua 9. 113–162.

- Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. 2010. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Archäologie in Eurasien 26. Steppenvölker Eurasiens 3. Mainz: Verlag Philipp von Zabern.
- Hellmuth A. 2006. Pfeilspitzen. Untersuchungen zu den sogenannten skythischen Pfeilspitzen aus der befestigten Höhsiedlung von Smolenice-Molpír // Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie 128. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH. 15–169.
- Heußner K-U., Sljusarenko I. 2010. Die Dendrochronologie. В: Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Archäologie in Eurasien 26. Steppenvölker Eurasiens 3. Mainz: Verlag Philipp von Zabern. 178–182.
- Parzinger H. 2010. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva — Ergebnisse und weiterführende Betrachtungen // K. Čugunov, H. Parzinger, A. Nagler. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Archäologie in Eurasien 26. Steppenvölker Eurasiens 3. Mainz: Verlag Philipp von Zabern. 303–329.
- Sulimirski T. 1954. Scythian Antiquities in Western Asia // Artibus Asiae. N 17.
- Yalçikli D. 2006. Eisenzeitliche Pfeilspitzen aus Anatolien // Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie 128. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH. 213–283.
- Zajceva G. I., Čugunov K. V., Parzinger H., Nagler A., Dergačev V. A., Scott M., Semencov A. A., Vasiliev S. S., van Geel B., van der Plicht J., Lebedeva L. M. 2010. Die Radiokarbonaten // K. Čugunov, H. Parzinger, A. Nagler. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Archäologie in Eurasien 26. Steppenvölker Eurasiens 3. Mainz: Verlag Philipp von Zabern. 169–176.